

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Оренбургский государственный университет»

Н.М. Мухамеджанова

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ

Учебное пособие

Рекомендовано ученым советом федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Оренбургский государственный университет» для обучающихся по образовательной программе высшего образования по направлению подготовки 51.04.01 Культурология.

Оренбург
2019

УДК 008(075.8)
ББК 71.1я 73
М 92

Рецензент – доктор культурологии, профессор Ю. Э. Комлев

Мухамеджанова, Н.М.
М 92 Современное исследование культуры в России: учебное пособие /
Н. М. Мухамеджанова; Оренбург. гос. ун-т. - Оренбург: ОГУ, 2019.
– 141 с.

В учебном пособии по курсу «Современные исследования культуры в России» дается развернутая характеристика актуальных концепций и направлений, научных подходов и практик изучения культуры в современном российском гуманитарном знании; выявляется их предметное содержание, рассматриваются методологическая специфика и инструментарий, а также социокультурный контекст их функционирования.

Учебное пособие предназначено для студентов магистратуры, обучающихся по направлению подготовки 53.04.01 Культурология (магистерская программа «Культурология XX века»), при изучении дисциплины «Современные исследования культуры в России».

УДК 008(075.8)
ББК 71.1я 73

© Мухамеджанова Н.М., 2019
© ОГУ, 2019

Содержание

Введение	5
1 Исследования культуры в России 1990-х и 2000-х годов. Российская культурология	7
1.1 Формирование российской культурологии в начале 1990-х годов. Культурологическое образование в России на рубеже XX-XXI веков: проблемы и перспективы	7
1.2 Смена культурологической парадигмы в XXI веке. Мультипарадигмальность современного гуманитарного знания	9
1.3 Новые направления и подходы в российской культурологии 2000-х годов...	12
2 Цивилизационные исследования в России 1990-2000-х годов	26
2.1 Культурно-исторический подход как методологическая основа современных цивилизационных исследований	26
2.2 Историография цивилизационных исследований.....	29
2.3 Основные направления современных цивилизационных исследований в России	38
3 Культурная экология как направление исследований культуры в России.....	44
3.1 Возникновение культурной экологии как направления прикладных исследований и учебной дисциплины.....	44
3.2 Становление культурной экологии в российской науке	48
3.3 Основные проблемы, разрабатываемые в современной экологии культуры в России	54
4 Региональная проблематика в российских практиках изучения культуры.....	61
4.1 Актуальность проблем культурной регионалистики. Понятие «социокультурный регион».....	61
4.2 Теоретические основы и методологические проблемы культурной регионалистики.....	64
4.3 Основные направления социокультурной регионалистики.....	67
5 Социология культуры: изучение молодежных культур и субкультур в России	73
5.1 Осмысление феномена молодежной субкультуры в трудах представителей западной социологической мысли.....	74

5.2 Российские ученые о сущности, причинах возникновения и типологии молодежных субкультур.....	77
6 Изучение культуры повседневности в России 1990-2000-х годов.....	87
6.1 Новый поворот в гуманитарных науках	87
6.2 Определение повседневности. Характеристики повседневности.....	89
6.3 Теоретические основания исследования культуры повседневности в работах западных мыслителей	92
6.4 Исследование культуры повседневности в работах отечественных ученых..	94
7 Профили изучения культуры в современных интеллектуальных журналах	99
7.1 Современная постимперская история России в журнале «Ab imperio»	99
7.2 Специфика изучения культуры в журналах «Новое литературное обозрение», «Неприкосновенный запас» и «Теория моды».....	104
7.3 «Международный журнал исследований культуры» – электронный журнал Сетевого сообщества «Российская культурология».....	106
8 Визуальная антропология в российских исследованиях культуры 1990-2000 годов.....	110
8.1 Визуальная антропология как направление современных исследований культуры: предмет и научный статус.....	110
8.2 История возникновения и развития визуальной антропологии.	113
8.3 Визуальная антропология сегодня	117
9 Лингвокультурология как направление исследований культуры в России	121
10 Социокультурная синергетика как направление исследований культуры в России	123
10.1 Становление и развитие синергетической теории в западной и отечественной науке	123
10.2 Основные положения синергетической теории	125
10.3 Проблема использования методологического инструментария синергетики к изучению культурных процессов и явлений	129
10.4 Эвристические возможности и основные направления современной социокультурной синергетики.....	133
11 Вопросы к экзамену по курсу.....	140

Введение

Учебное пособие по курсу «Современные исследования культуры в России» предназначено для студентов магистратуры, обучающихся по направлению подготовки 53.04.01 Культурология (магистерская программа «Культурология XX века»). Данный курс входит в базовую часть дисциплин образовательной программы подготовки магистров культурологии и в своей теоретической части непосредственно связан с такой дисциплиной, как «История и методология изучения культуры».

Целью преподавания данной дисциплины является выработка у студентов представлений о многообразии и особенностях научных подходов и практик изучения культуры на рубеже XX – XXI веков, возможностей и границ их применения.

В пособии дана развернутая характеристика актуальных концепций и направлений, научных подходов и практик изучения культуры в современном российском гуманитарном знании; выявлено их предметное содержание, рассмотрена их методологическая специфика и инструментарий, а также социокультурный контекст их функционирования.

В ходе реализации содержания учебной дисциплины основной акцент в преподавании делается на практических занятиях, семинарах и самостоятельной работе студентов. С этой целью обзорная лекция по теме того или иного раздела программы курса сопровождается вопросами для самопроверки, тематикой докладов и сообщений по той или иной рассматриваемой проблеме, списком литературы по теме, заданиями творческого характера. Конечной практической целью всех видов работ в ходе освоения курса является помощь студентам в выборе исследовательских ориентиров их будущей магистерской диссертации.

Учебно-тематический план дисциплины «Современные исследования культуры в России»

Разделы дисциплины, изучаемые во 2 семестре

№ раздела	Наименование разделов	Количество часов			
		всего	аудиторная работа		внеауд. работа
			Л	ПЗ	
1	Исследования культуры в России 1990-х и 2000-х годов. Российская культурология	26	2	4	20
2	Цивилизационные исследования в России 1990-2000-х годов	36	2	6	28
3	Культурная экология как направление исследований культуры в России	34	2	4	28
4	Региональная проблематика в российских практиках изучения культуры	24	0	4	20
5	Социология культуры: изучение молодежных культур и субкультур в России	24	0	4	20
	Итого:	144	6	22	116

Разделы дисциплины, изучаемые в 3 семестре

№ раздела	Наименование разделов	Количество часов			
		всего	аудиторная работа		внеауд. работа
			Л	ПЗ	
6	Изучение культуры повседневности в России 1990-2000-х гг.	28	0	2	26
7	Профили изучения культуры в современных интеллектуальных журналах	30	2	2	26
8	Визуальная антропология в российских исследованиях культуры 1990-2000 годов	30	2	2	26
9	Лингвокультурология как направление исследований культуры в России	26	0	2	24
10	Социокультурная синергетика как направление исследований культуры в России	30	2	2	26
	Итого:	144	6	10	128
	Всего:	288	12	32	244

1 Исследования культуры в России 1990-х и 2000-х годов.

Российская культурология

План

1. Формирование российской культурологии в начале 1990-х годов. Культурологическое образование в России на рубеже XX-XXI веков: проблемы и перспективы.
2. Смена культурологической парадигмы в XXI веке. Мультипарадигмальность современного гуманитарного знания.
3. Новые направления и подходы в российской культурологии 2000-х годов.

1.1 Формирование российской культурологии в начале 1990-х годов.

Культурологическое образование в России на рубеже XX-XXI веков: проблемы и перспективы

В условиях резкой смены общественного строя вопросы культуры в России на рубеже тысячелетий приобрели особое значение. В российской культуре образовался своеобразный идейно-мировоззренческий вакуум, когда старая марксистско-ленинская парадигма постижения мира была отринута, а принципиально новой концепции осмысления наступивших перемен предложено не было. Большая часть творческой научной интеллигенции продолжала работать в прежней системе философско-методологических координат, хотя она уже не могла работать в прежнем виде. Однако философско-методологические системы Запада также не усваивались массовым сознанием, так как не имели под собой глубокой философско-исторической и социально-экономической основы.

В этих условиях лидеры нового «демократического» государства, провозгласившего приоритет общечеловеческих ценностей, обратили свой взор на науки о культуре. Первым шагом в этом направлении стало введение в вузовские программы новой дисциплины *культурологии*. Идеологически ставилась задача при помощи этой новой эклектической дисциплины

сформировать у молодого поколения социокультурное видение мира на демократических общечеловеческих ценностях. Не будет преувеличением сказать, что культурология стала в нашей стране дисциплиной, пришедшей на смену научному коммунизму, поскольку научный коммунизм формировал видение мира, в котором решающее значение имели идеологические различия, а культурология призвана была объяснять современный мир, состояние которого определяется культурными различиями живущих в нем народов.

Появление культурологии как гуманитарной науки и учебной дисциплины, с одной стороны, было подготовлено всем ходом развития мировой и отечественной науки о культуре; с другой – открывало огромные эвристические возможности для творческой деятельности огромного числа ученых, ранее работавших в других областях гуманитарного знания.

Формирование содержания новой учебной дисциплины происходило в ситуации творческой дискуссии, столкновения различных концепций и методологий. Преподавание дисциплины приобрело универсальный характер, так как не ограничивалось только гуманитарными вузами. Во многих учебных заведениях были созданы специальные кафедры, которым была предоставлена свобода создавать свои программы, читать авторские курсы и писать свои учебники. Такая ситуация оказалась очень плодотворной для развития гуманитарной науки вообще, так как именно в культурологии начали появляться новые идеи, новые методы постижения действительности, сложилась система культурного и патриотического воспитания молодежи.

Такая ситуация существовала в нашей стране до 2000-х годов. Но уже в системе стандартов второго поколения культурология как дисциплина была практически сведена к курсам по выбору; была создана единая программа Министерства образования РФ, которая допускала введение не более 50% нового материала. В стандартах третьего поколения возможности использования дисциплины в учебном процессе стали еще менее значительными.

Не менее сложная ситуация складывается в научной сфере. Глубоко прогрессивным является факт развития старых и становления новых центров изучения культурологических проблем. Ведущие позиции занимает Институт культурологии РАН и Министерства культуры РФ, который занимается широким спектром проблем теории и истории культуры. В Институтах философии и социологии РАН также существуют Центры по изучению основных проблем культуры. Продолжает успешно работать в новой ситуации и культурологическая школа Санкт-Петербургского государственного университета, где сформировалась школа М.С. Кагана и его учеников.

Сегодня исследования культуры осуществляются на той теоретической базе, которая сложилась в российской науке в 60-70-ые годы. Среди «старых» культурологических концепций следует назвать работы В.М. Межуева, Г.С. Кнабе, В.С. Библера, М.Б. Туrowsкого, Н.С. Злобина, М.С. Кагана и др. Относительная свобода в развитии научных идей в 90-ые годы определила многообразие подходов к исследованию культуры в отечественной науке, отсутствие доминирующей в данный период культурологической теории. В разных изданиях мы видим философские, аксиологические, деятельностные, психологические, социологические и т.д. подходы к созданию теории культуры. Однако сегодня намечается унификация этих поисков через официальную министерскую программу, созданную руководителем НМС по культурологии профессором Т.Ф. Кузнецовой. Отличительной чертой данной программы является то, что изучению подлежат все концепции культуры, созданные мировой и отечественной наукой за последние два века. Однако нерешенной остается и проблема методологической основы культурологии.

1.2 Смена культурологической парадигмы в XXI веке. Мультипарадигмальность современного гуманитарного знания

В мировой гуманитарной науке, в том числе в науках о культуре, уже в 70-80-е годы XX века приобретает легитимность «многофокусное» в

методологическом плане изучение культуры, развитие которого связано со стремительной сменой многообразных подходов и исследовательских интересов ученых-гуманитариев к познанию столь сложного предмета. Только в российской гуманитарной науке Г.И. Зверева отмечает около десяти методологических «поворотов»: антропологический, социологический, лингвистический, новый исторический, нарратологический и др. [5, с. 11-13].

Указанные тенденции развития, а также интенсивность и широта методологических поисков свидетельствовали о формировании новой неклассической парадигмы в изучении гуманитарных проблем, включая проблематику культуры. «На смену пониманию мира как масштабного механизма с жесткой процессуальной детерминацией и человека в качестве автоматически, внеисторически действующего субъекта в науку приходит образ целостной, сложной, системно-многоуровневой реальности, которая по многим параметрам определяется активностью людей, их свободно-целевой духовностью. Анализ такой культуросцентричной реальности уже невозможно осуществить на базе методологического монизма и гносеологического фундаментализма» [1, с. 49].

В исследовательских практиках данный парадигмальный сдвиг ознаменован переходом от монодисциплинарного фрагментарного знания к выработке синкретического видения мира на основе междисциплинарной интеграции знаний. В науках о культуре утверждаются идеи самоорганизации, неустойчивости, сложности, неравновесности, нелинейности развития, хаоса и порядка в динамике социокультурных систем – идеи, рожденные в рамках естественнонаучного знания, синергетики и активно проникающие в гуманитарно-философское знание. В данном случае уместно привести высказывание Н. Моисеева, который, доказывая необходимость интеграции естественнонаучного и гуманитарного знания, писал, что величие Н. Бора и всего современного естествознания он видит «в утверждении плюрализма языков описания: нельзя с помощью одного языка описать достаточно сложное явление. Необходимо иметь множество интерпретаций. Они не только делают

явными скрытые возможности понимания, но без них просто невозможно построить голографический портрет реальности, обрести нужный нам уровень понимания» [11, с. 67]. Одним из таких языков описания, в том числе и явлений культуры, сегодня становится синергетика, обогащающая наши видение мира новыми образами и представлениями (см. последнюю тему).

Мировоззренческим и методологическим выражением принципа дополнительности, сформулированного Н. Бором, становится *мультипарадигмальность* современного научного знания, которая может быть представлена в ряде следующих принципов:

- любая, даже самая совершенная теория не способна дать полного, исчерпывающего описания социального объекта, обладающего достаточно высокой степенью сложности, многомерности;
- каждая конкретная теория, обладающая определенными исходными принципами, методами, инструментарием, раскрывает лишь одно сущностное измерение социального объекта;
- для полного описания многомерного социального объекта необходимо взаимодополнение альтернативных точек зрения на изучаемый предмет;
- взаимодополнительность описания позволяет сохранить самостоятельный теоретический статус каждого описания и в то же время рассматривать их в определенной системе, в единстве [3, с. 97-98].

Смысл и цель диалога различных методологических парадигм – в дополнении аналитического мышления классической парадигмы холистическим мышлением, целостным видением предмета, способностью «понимать широкий, или иногда даже глобальный контекст исследуемой проблемы», «переносить модели нелинейной динамики из одной дисциплинарной области в другую, т.е. проводить исследование в конкретной дисциплинарной области, имея общее и глубокое понимание закономерностей сложного поведения самоорганизующихся систем и жизни» [13, с. 345]. Именно такое холистическое, целостное видение культуры развивается сегодня

в работах ряда российских авторов: Аванесовой Г.А., Астафьевой О.Н., Ерасова Б.С., Кагана М.С., Яковенко И.Г. и др.

1.3 Новые направления и подходы в российской культурологии 2000-х годов

Отечественная наука о культуре постсоветского периода серьезно обратилась к разработке новых и освоению общепризнанных мировых методологий общественных наук. Место всеобъемлющего метода – диалектического – стали занимать многообразные подходы и методы, применявшиеся российскими культурологами в комплексном единстве.

Во-первых, осуществляется *поворот от формационного метода к цивилизационному*, от марксистского учения об общественно-экономической формации к теории цивилизации. Этот поворот уже в 60-е годы намечался и обосновывался в работах Л.Н. Гумилева. В 90-е годы большинство культурологов России стали широко использовать этот подход, который позволял изучать всемирную историю как «единство в многообразии» – единство разнообразных локальных цивилизаций. В советский период теория локальных цивилизаций (Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, К. Леонтьева, А. Тойнби и др.) подвергалась ожесточенной критике со стороны советской науки. Поворот отечественной гуманитарной науки в 90-е годы к теории локальных цивилизаций оказался достаточно продуктивным и широко используется в трудах российских авторов: Ерасова Б.С., Сергеевой О.А., Яковца Ю.В., Аванесовой Г. А., Земскова В.Б., Семенниковой Л.И., Семенова С., Шемякина Я.Г., Померанца Г., Яковенко И., Мчедлова М.П., Трепавлова В.В., Ахиезера А.С., Кондакова И.В., Панарина А.С., Флиера А.Я. и других. В их работах утверждается идея многофакторности и многолинейности исторического процесса, особой значимости культуры в цивилизационной динамике и т.д. Однако утверждение этих идей не означает окончательного перехода от эволюционной к цивилизационной парадигме в исследованиях

социокультурной динамики. Они сосуществуют и полемизируют друг с другом, модифицируясь под влиянием мировой практики и новых идей науки. Поэтому в российской гуманитарной мысли предпринимаются попытки совместить различные подходы к объяснению социокультурной динамики [см. 7].

В современной российской культурологической мысли цивилизационный подход органически сочетается с семиотическими, аксиологическими, компаративными и системно-структурными методологиями в исследовании культуры, которые позволяют выделить основные ценности цивилизаций, закодированные в ее знаковых системах, в словах и терминах естественных языков, проводить сравнительный анализ культур и цивилизаций и т.д.

Во-вторых, развиваются новые для отечественной науки направления гуманитарного знания: культура повседневности, культурная экология (экология культуры), регионалистика, культурная география, лингвокультурология, теория культурологической экспертизы и др.

Одним из таких новых направлений стала **культурная география** – «междисциплинарное научное направление, объектом которого является пространственное разнообразие культуры и ее распространение по земной поверхности» [14, с. 18]. Как научное направление культурная география была создана Карлом Зауэром в США в 30-х годах XX века, им же было введено в научный оборот название новой дисциплины. Однако идеи, развиваемые культурной географией, не являлись для географической науки абсолютно новыми. Как и где живут люди, чем они занимаются, как питаются и обустривают свои жилища, каких ценностей и традиций они придерживаются – ответы на эти вопросы можно найти в работах многих географов-классиков, начиная с Геродота и Гумбольдта. Однако именно в 30-е годы XX века формируется понятийно-категориальный аппарат и базовые теоретические положения данного научного направления.

Значительный вклад в становление культурной географии внесли также Р. Хартшорн и В. Зелинский. В 1980-е годы получает известность такое направление, как «новая культурная география», которое опирается на идеи

М. де Серто и Ж. Делеза, отрицающих традиционные представления о статичном пространстве. В целом культурная география изучает пространственную дифференциацию культуры, особенности ее взаимодействия с природным ландшафтом, выявляет содержание таких понятий, как «культурный ландшафт», «географическая культура» и т.д.

Теоретической основой отечественной культурной географии стали созданные в советский период работы Л.С. Берга о культурном ландшафте, работы Н.Н. Баранского и Р.М. Кабо, обосновывающие возможность появления нового перспективного направления в рамках географии, работы Ю.Г. Саушкина, В.М. Гохмана, Б.С. Лаврова и др. Однако большинством ученых культурная география рассматривается как особая ветвь социальной географии.

Культурная география (география культуры) зародилась в конце 80-х годов XX века как прикладная область знания, изучающая распространение артефактов культуры на определенной территории. Теоретиком и основателем географии культуры, понимаемой таким образом, считается А.Г. Дружинин, который рассматривает географию культуры не как отраслевую науку, а как интегральный подход, пронизывающий все подсистемы социально-экономической географии. С точки зрения А.Г. Дружинина, предпосылками возникновения географии культуры стали: 1) исследования отечественных географов в области социально-культурной географии; 2) появление в рамках географии таких новых дисциплин, как география науки, образования, потребления и пр.; 3) развитие понятийно-категориального аппарата современной социально-экономической географии.

На вторую половину 1990-х годов приходится расцвет данного направления, которое чаще называется «география культуры», «(этно)культурное ландшафтоведение» или «гуманитарная география». И.И. Митин определяет гуманитарную географию как «направление географии, изучающее представление о пространстве (системы знаков, символов, архетипов, стереотипов, мифов, образов и др.), посредством которых культура,

социальная группа или отдельный человек осмысливают окружающее пространство и организуют свою активность в нем» [10, с. 23]. С точки зрения данного автора, гуманитарная география не имеет аналогов в зарубежной науке и может трактоваться как российский аналог западной культурной географии. Базовыми понятиями гуманитарной географии являются понятия «культурный (этнокультурный) ландшафт», «географический образ», «региональная идентичность», «локальный миф» («региональная мифология»). Однако на проблему дисциплинарного статуса и соотношения культурной и гуманитарной географии существуют и другие точки зрения, например, когда первая трактуется как составная часть второй (точка зрения, характерная и для западной науки) [4, с. 69; 18, с. 3].

Таким образом, предметом культурной географии «являются географические аспекты феномена «культура» [4, с. 61]. Отличительной особенностью данного направления является его междисциплинарность, поскольку сформировалось оно на стыке разных гуманитарных дисциплин: культурологии, этнографии, истории, краеведения, археологии, религиоведения, искусствоведения и др. Активное развитие данного направления в России в последние десятилетия привело к выделению в нем более частных направлений исследований, таких, как сакральная география (география священных мест), семиотическая география – «родная сестра» сакральной географии, изучающая знаки и образы геокультурной обстановки; поведенческая и когнитивная география и т.д. [4, с. 61]. Как одно из направлений культурной географии может быть рассмотрена география искусства, с идеями которой можно ознакомиться в работах современного отечественного исследователя Ю.А. Веденина, усматривающего в появлении данного научного направления процесс интеграции географического знания, искусствоведения и культурологии.

Поскольку туризм является не только сферой социально-экономической, но и сферой культуры, возрастает круг исследователей географии туризма. География туризма была признана самостоятельной дисциплиной

экономической географии еще в 50-е годы XX века в США и Канаде, хотя в большинстве европейских стран, в том числе и в России, ее считали разделом других дисциплин, таких, как география населения или география культуры. В настоящее время предметом изучения географии туризма признается анализ форм и отношений туристских явлений и связанных с ними процессов, изменяющих и преобразующих пространство. Представители этого направления исследуют пригодность территории для развития туризма, уточняя понятие туристских ресурсов как совокупности природно-географических, климатических и историко-культурных компонентов, а также выясняют процессы воздействия туризма на культурный ландшафт и т.д.

Сегодня наиболее известными авторами, работающими в данном направлении, являются Ю.А. Веденин, А.Г. Дружинин, Д.Н. Замятин, В.Л. Каганский, В.Н. Калущков, В.Н. Стрелецкий и др. Об активном развитии данного направления свидетельствует большое количество монографий, диссертаций, исследующих различные аспекты географии культуры. Научно-аналитический обзор источников по теме «Культурная география» представлен в работе доктора философских наук, профессора М.С. Уварова [18].

В Оренбургском государственном университете этими проблемами занимаются Герасименко Т.И., Любичанковский А.В. Дисциплины «География культурного наследия», «Этноконфессиональная география» включены в учебный план подготовки бакалавров культурологии в качестве дисциплин по выбору студентов.

Новым направлением российской гуманитарной науки стала **лингвокультурология**, возникшая в 90-е годы XX века на стыке культурологии и лингвистики и изучающая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в его языке. Само название новой дисциплины появилось в связи с исследованиями взаимосвязи языка и культуры, осуществляемыми Н.Н. Телия, А.Д. Арутюновой, В.В. Воробьевым, В.А. Масловой, Ю.С. Степановым, В. Шаклеиным и др. Однако проблема взаимосвязи языка и культуры не являлась абсолютно новой для гуманитарной

науки. О выражении в языке «народного духа», то есть культуры народа, писал В. Гумбольдт. Эта проблема лежит в основе известной теории американских ученых Э. Сепира и Б. Уорфа. Язык как важнейший феномен культуры занимает значительное место в философских концепциях П.А. Флоренского, Л. Витгенштейна, Х.Г. Гадамера, М. Хайдеггера и др.

В отечественной науке большой вклад в ее изучение в 60-70-е годы XIX века внесли Ф.И. Буслаев, А.Н. Афанасьев, А.А. Потебня, позднее А. Брюкнер, В.В. Иванов, В.Н. Топоров, Н.И. Толстой и др. По сути, вся наука о языке пронизана культурно-историческим содержанием, поскольку язык является условием возникновения культуры, ее основой и продуктом.

По своему предмету лингвокультурология оказывается тесно связанной с такими отраслями лингвистики, как этнолингвистика, социолингвистика, лингвострановедение, этнопсихолингвистика. Однако соотношение данных дисциплин разными авторами трактуется по-разному: так, Н.Н. Телия считает лингвокультурологию одним из разделов этнолингвистики, а В.А. Маслова называет их принципиально разными научными дисциплинами [9, с. 9].

Несмотря на «молодость» новой дисциплины, ученые выделяют несколько периодов в ее становлении и развитии:

1) период формирования предпосылок возникновения лингвокультурологии в трудах В. Гумбольдта, Э. Сепира и Б. Уорфа, А.А. Потебни и др.;

2) период оформления лингвокультурологии как самостоятельной отрасли знаний в лингвистике;

3) период становления лингвокультурологии как фундаментальной междисциплинарной науки [9, с. 28].

Сложность и разнообразие феномена культуры, а также ее взаимосвязей с языком становится основанием возникновения различных направлений лингвокультурологии на современном этапе ее развития: лингвокультурологии отдельных этносов, социальных групп в определенный исторический период,

диахронической лингвокультурологии, сравнительной и сопоставительной лингвокультурологии, лингвокультурной лексикографии и т.п.

Таким образом, объектом лингвокультурологии является изучение взаимосвязи культуры и языка как средства формирования, развития, хранения и трансляции культуры. Предметом исследования новой лингвистической дисциплины являются «единицы языка, которые приобрели символическое, эталонное, образно-метафорическое значение в культуре и которые обобщают результаты собственно человеческого сознания» [9, с. 36]. Это безэквивалентные языковые единицы, обозначающие специфические, присущие только данной культуре явления (гармошка, балалайка, щи и пр.), мифологизированные языковые единицы: мифологемы, архетипы, обряды, ритуалы, поверья и обычаи, закрепившиеся в языке; фразеологический и паремиологический фонд языка (пословицы и поговорки), стереотипы, эталоны, метафоры, символы и образы; стилистический уклад разных языков и речевое поведение.

На рубеже XX-XXI веков в России получает активное развитие такое прикладное направление культурологии, как **культурологическая экспертиза**, рассматриваемая и как особое направление исследовательской деятельности, и как социальный институт. Экспертно-аналитическая деятельность достаточно давно используется в разных сферах общественной жизни, например, общеизвестными видами экспертиз являются такие, как техническая, судебная, медицинская, психиатрическая, искусствоведческая, экологическая, лингвистическая и др. Однако на рубеже веков в России появляется много новых видов экспертиз, что связано с активными социальными трансформациями в российском обществе, становлением правового государства, в котором доминирующее положение в качестве механизма социальной регуляции стали занимать правовые нормы, а также с появлением новых ситуаций, условий жизни, типов взаимоотношений людей, вызванных инновационными процессами в обществе. К новым видам экспертизы

относятся этическая, экологическая, этнологическая, гендерная, конфликтоведческая, культурологическая и др.

Однако новые виды экспертиз, возникшие на рубеже XX –XXI веков, существенно отличаются от традиционных. Для традиционных экспертиз характерны монодисциплинарный характер, предметная направленность, использование утвержденных и апробированных методик исследования; внеперсональный, объективный характер; однозначность и точность выводов и т.д. Между тем новые виды экспертиз носят *гуманитарный* характер, так как сосредоточены главным образом на проблемах человека. Важнейшей задачей таких экспертиз является не только и не столько оценка какого-либо предмета или события, сколько выявление последствий его воздействия на окружающую природную и социальную среду и в особенности на личность человека.

Проблемность и сложность объектов экспертиз требует от исследователя-эксперта обращения к опыту самых разных гуманитарных дисциплин. В силу этого общим принципом новых видов экспертиз является *комплексный характер* и *междисциплинарный* статус экспертного исследования. Поэтому новые виды экспертиз часто осуществляются группой экспертов, работающих в разных отраслях гуманитарного знания. А умение «работать в команде» и соотносить свои выводы с мнением других специалистов становится важнейшим качеством эксперта.

Следует также отметить, что новые виды экспертиз, как правило, *не имеют готовых исследовательских методик* и предполагают использование *нестандартных подходов к исследовательскому процессу*. Если результатом традиционной экспертизы является доказательство факта, то результатом новых видов экспертиз становится интерпретация факта. Так, в процессе юрислингвистической экспертизы специалист-эксперт изучает текст, высказывание с целью толкования его смыслового содержания. Следовательно, для новых видов экспертизы характерно *возрастание роли личностных качеств эксперта*, который должен в совершенстве владеть мастерством интерпретации [8, с. 39-45].

Среди новых видов экспертиз особо следует выделить культурологическую экспертизу, которая становится все более востребованной в социокультурной практике, что обусловлено повышением роли культуры в обществе, усложнением социальных и культурных процессов, повышением уровня сложности и неопределенности всех сфер человеческой жизни. Однако, несмотря на растущую востребованность данного вида экспертизы, среди ученых нет единого мнения по поводу ее сущности и предметных границ, профессиональных возможностей и пр.

Так, в профессиональном сообществе ученых-культурологов культуролог представляется универсальным специалистом, способным к анализу любой сферы деятельности [16, с. 345]. Например, Г.А. Аванесова предметом социокультурной экспертизы считает оценку всех крупных государственных проектов и политических решений, поскольку они затрагивают общекультурные процессы и касаются миллионов людей. К таким проблемам ученый относит отношение населения к власти, состояние общественного мнения; уровень жизни населения; экологическую безопасность; градостроительные проблемы; социальное неравенство и дифференциацию; духовно-нравственное состояние молодежи; межэтнические отношения, содержание деятельности СМИ и др. [2].

В более узком значении под культурологической экспертизой также понимают экспертизу культурных ценностей, проводимую с целью определения стоимости предмета, его охранного статуса, например, экспертизу оружия, предметов антиквариата, старых книг, марок, почтовых открыток, т.е. вещей, которые не вполне соответствуют высокому статусу художественных ценностей. К культурологической экспертизе относят также проводимую в ходе судебных разбирательств экспертизу вербальных текстов (кино, видеофильмов, проектов и т.д.), подозреваемых в распространении порнографии, в пропаганде экстремизма, в распространении данных, порочащих честь и достоинство, деловую репутацию граждан.

С позиций А.П. Садохина, культурологическая экспертиза – особый вид исследовательской деятельности, методологической основой которой является *культурологический подход*, ставящий своей целью определение культурного значения и ценности фактов, предметов, явлений культуры. А следовательно, *любое явление, событие, предмет может быть объектом культурологической экспертизы*, и ее исследовательское пространство охватывает весь мир культуры [12].

О. Н. Астафьева предлагает свою типологию наиболее распространенных объектов культурологической экспертизы, к которым относит:

- «культурные материальные ценности, произведения различных видов искусства и предметы повседневного обихода;
- моральные, нравственные и социальные нормы, мировоззрение, правила и типы поведения, религиозные взгляды и убеждения;
- культурно-образовательные, научно-исследовательские и культурно-просветительские проекты, реализуемые социокультурной сфере;
- аттестация работников сферы культуры, образования, науки и государственных служащих;
- образовательные программы, научно-исследовательские проекты и другие виды учебно-методической и научно-исследовательской продукции;
- государственные законодательные и нормативные акты в области социокультурной сферы и др.» [8, с. 9-10].

Как следует из предложенной типологии, предметное поле культурологической экспертизы оказывается чрезвычайно широким, а само ее название не укладывается в привычные рамки классификаций существующих видов экспертиз.

Таким образом, ведущей тенденцией развития гуманитарной науки в России рубежа веков становится появление и оформление новых для отечественной науки направлений гуманитарного знания. В данной тенденции находит свое отражение, *во-первых*, мультипарадигмальность современного

гуманитарного знания, использующего различные языки описания своего предмета, *во-вторых*, комплексный, междисциплинарный характер новых отраслей знания, что обусловлено не только спецификой их объекта и предмета, но и осознанием того факта, что новое знание, как показывает практика, рождается в основном на стыке наук, когда исследователь обретает не плоскостное, а стереоскопическое видение и способен смотреть на предмет под различными углами зрения. Сегодня наука, как естественная, так и гуманитарная, вступила в тот этап своего развития, когда специализация по дисциплинам и направлениям, как писал В.И. Вернадский, должна смениться специализацией по проблемам, разрабатываемым представителями различных отраслей научного знания. Данное положение великого русского исследователя, создателя теории ноосферы, можно рассматривать в качестве парадигмального, чем и обусловлено применение методов различных наук для раскрытия сущности тех явлений и процессов, которые характеризуют современную культуру.

Вопросы семинара

1. Формирование российской культурологии в начале 1990-х годов.
2. Теоретические основания и истоки современной российской культурологии.
3. Мультипарадигмальность современного гуманитарного знания.
4. Российские практики исследования культуры и российская культурология.
5. Культурологическое образование в России на рубеже XX-XXI веков: проблемы и перспективы.

Вопросы для самопроверки

1. Каковы условия и предпосылки формирования российской культурологии в начале 1990-х годов?

2. Каковы теоретические основания и истоки современной российской культурологии?
3. Как развивается информационное поле культурологических исследований на рубеже веков?
4. Как происходит развитие культурологического образования в России на рубеже XX-XXI веков?
5. Какие проблемы существуют сегодня в реализации культурологического образования в нашей стране?
6. Чем обусловлена актуальность и значимость культурологического образования для нашего региона?
7. Какие новые направления культурологического знания развиваются сегодня в России?
8. Каковы, на ваш взгляд, объективные причины появления и активного развития данных направлений культурологического знания?
9. В чем вы видите их специфические особенности?
10. Какие из них вам представляются наиболее интересными и перспективными для отечественной гуманитарной мысли?
11. В чем вы видите причины смены культурологической парадигмы в XX веке?
12. Как вы понимаете принцип мультипарадигмальности современного гуманитарного знания?
13. В работах каких российских авторов-культурологов реализуется этот принцип мультипарадигмальности современного научного знания?

Литература, рекомендуемая для изучения темы

1. Аванесова, Г.А. Исследования по теории и истории культуры: особенности подготовки научно-квалификационной работы. Вып. III. Методологические подходы, теоретические направления и методы в культурологии: учебно-методическое пособие / Г.А. Аванесова. – М.: РАГС, 2004. – 72 с.

2. Аванесова, Г. А. Социокультурная экспертиза общественных проектов и программ в регионах Российской Федерации / Г.А. Аванесова // Вопросы культурологии. – 2009. – №5. – С.101-106.
3. Алтухов, В. Смена парадигм и формирование новой методологии (попытка обзора дискуссии) / В. Алтухов // Общественные науки и современность. – 1993. – №1. – С. 88-100.
4. Григорьев, А.А. Культурная география: шаг к истокам? / А. А. Григорьев, Г. Н. Паранина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 7. Вып. 3. – 2011. – С. 60-72.
5. Зверева, Г.И. Роль познавательных «поворотов» второй половины XX века в современных российских исследованиях культуры / Г.И. Зверева // Выбор метода: изучение культуры в России 1990-х годов. – М., 2001. – С. 11-13.
6. Калуцков, В.Н. Культурная география России. Часть 1. Теоретический и специальный разделы: учебное пособие / В. Н. Калуцков. – М.: Факультет иностранных языков и регионоведения МГУ, 2016. – 140 с.
7. Ковалев, А. Еще раз о формационном и цивилизационном подходах / А. Ковалев // Общественные науки и современность. – 1996. – №1. – С. 97-104.
8. Культурологическая экспертиза: теоретические модели и практический опыт: коллективная монография / авт.-сост. Н. А. Кривич; под общ. ред. В.А. Рабоша [и др.]. – СПб.: Астерион, 2011. – 384 с.
9. Маслова, В.А. Лингвокультурология: учебное пособие для студентов вузов / В.А. Маслова. – М.: Изд. центр «Академия», 2001. – 208 с.
10. Митин, И.И. Культурная география в СССР и постсоветской России: история (вос)становления и факторы самобытности / И.И. Митин // Международный журнал исследований культуры. – 2011. – №4(5). – С. 19-25.

- 11.Моисеев, Н. Естественнаучное знание и гуманитарное мышление / Н. Моисеев. – Общественные науки и современность. – 1993. – №2. – С. 63-75.
- 12.Садохин, А.П. Культурологическая экспертиза: теоретико-методологические основы деятельности / А.П. Садохин // Вопросы культурологии.– 2011.– №1.– С. 87-96.
- 13.Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности / отв. ред. О.Н. Астафьева. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 583 с.
- 14.Стрелецкий, В.Н. Культурная география в России: особенности формирования и пути развития / В.Н. Стрелецкий // Известия РАН. Серия географическая. – 200. – №5. – С. 21–33.
- 15.Трофимова, Р.П. История русской культурологии: учебное пособие для высшей школы / Р.П. Трофимова. – М.: Академический проект: Трикста, 2003. – 608 с. – («Gaudeamus»).
- 16.Философия и культурология в современной экспертной деятельности: коллективная монография / редколл: В. А. Рабош [и др.]– СПб: Изд-во РГПУ, 2011. – 508 с.
- 17.Шендрик, А.И. Социология культур: учебное пособие для студентов, обучающихся по специальностям «Социология» и «Социальная антропология» / А.И. Шендрик. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – 495 с.
- 18.Уваров, М.С. Научно-аналитический обзор источников по теме «Культурная география» / М.С. Уваров. – Режим доступа: <http://philosophy.spbu.ru/userfiles/science/reviews/Uvarov%20M.S.%20Kul'turnaya%20geografiya.%20Nauchnyi%20analiticheskii%20obzor..pdf> (дата обращения: 10.10.2018)

2 Цивилизационные исследования в России 1990-2000-х годов

План

1. Культурно-исторический подход как методологическая основа современных цивилизационных исследований.
2. Историография цивилизационных исследований.
3. Основные направления современных цивилизационных исследований в России.

2.1 Культурно-исторический подход как методологическая основа современных цивилизационных исследований

Дискредитация коммунистической идеи в СССР стала для российской науки и дискредитацией основных положений марксистской теории социального развития – одного из многочисленных вариантов классического эволюционизма, ставшего теоретической основой построения социализма в нашей стране и в мире. Идеи единства человечества и его культурно-исторического развития, жесткого и однозначного детерминизма и прогрессизма, безальтернативности и предсказуемости социального развития подвергаются сомнению и критическому переосмыслению. В российской социогуманитарной науке конца XX – начала XXI века утверждаются идеи нелинейности, многовариантности, альтернативности путей развития общества, цикличности социокультурной динамики, ее зависимости от множества факторов, в том числе от специфики культурной традиции, – идеи, созвучные представлениям о динамике социокультурных систем, характерных для цивилизационного подхода.

С конца XX века методологические принципы цивилизационного подхода активно используются многими отечественными авторами: Б.С. Ерасовым, О.А. Сергеевой, Ю.В. Яковцом, Г.А. Аванесовой, В.Б. Земсковым, Л.И. Семенниковой, С. Семеновым, Я.Г. Шемякиным, Г. Померанцем,

И.Г. Яковенко, М.П. Мчедловым, В.В. Трепавловым, А.С. Ахиезером, И.В. Кондаковым, А.С. Панариным, А.Я. Флиером и другими.

Методологической основой современных цивилизационных исследований является культурно-исторический подход, восходящий к трудам Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби и получивший свое дальнейшее развитие в работах Ф. Броделя, М. Вебера, В. Ковалиса, М. Мелко, Э. Сайда, М. Сингера, С. Хантингтона, Э. Шилза, Ш. Эйзенштадта, Н. Элиаса и др. В отечественной науке большой вклад в разработку цивилизационной концепции внесли К.Н. Леонтьев, а также евразийцы Н.Н. Алексеев, П. Бицилли, Г.В. Вернадский, Л.П. Карсавин, П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой. Знакомству западного научного сообщества с идеями Н.Я. Данилевского и дальнейшему развитию базовых положений теории цивилизации способствовал критический анализ концепции локальных цивилизаций П.А. Сорокиным. Значительный вклад в развитие цивилизационной теории внесли также исследования, выполненные в рамках этнографии, культурологии, ориенталистики, в том числе книга Л.Н. Гумилева «Этногенез и биосфера Земли», в которой рассматриваются проблемы динамики социокультурных систем.

В 90-е годы XX века проблемы общественного развития начинают исследоваться с позиций разных методологических парадигм. Работы В.С. Степина, А.Н. Кочергина, П.К. Гречко, Ю.И. Семенова, К.Х. Момджяна, В.С. Барулина способствовали утверждению в отечественном обществоведении мультипарадигмального подхода к изучению общества, в том числе к изучению цивилизационного процесса. В 1900-2000-е годы проводится ряд научных конференций, свидетельствующих об активном росте научного интереса к данной проблематике, в том числе всероссийская конференция «Философия и цивилизация» (Санкт-Петербург, 1997), «Диалог и взаимодействие цивилизаций Востока и Запада: альтернативы на XXI век» (Москва, 2001) и др.

С 1994 года издается альманах «Культура и цивилизация». Редактор альманаха Б.С. Ерасов внес большой вклад в ознакомление российского читателя с ведущими зарубежными учеными, работающими в рамках

цивилизационного подхода, а также в развитие самой цивилизационной концепции. В этом случае особую научную ценность для российского читателя имеет его монография «Цивилизации: Универсалии и самобытность» (2002).

В работах российских ученых исследуются такие проблемы современной цивилизационной теории, как: механизмы социокультурного развития цивилизации (А.С. Ахиезер); специфика евразийской цивилизации (И.Б. Орлова); факторы, влияющие на цивилизационную динамику (Ю.В. Яковец); особенности современных цивилизационных процессов (О.А. Сергеева), специфика модернизации в незападных цивилизациях (В.Г. Федотова, Н.Н. Зарубина); роль и место России в современных цивилизационных процессах (А.С. Панарин) и др.

В качестве наиболее значимых аспектов современных цивилизационных исследований необходимо назвать следующие: многообразие подходов к определению понятия «цивилизация», типология цивилизаций; статика и динамика цивилизационного функционирования; факторы цивилизационной динамики, цивилизационные аспекты модернизации и др. В современную эпоху – эпоху глобализации и усиления интенсивности межкультурных коммуникаций – особую актуальность приобретает проблема взаимодействия цивилизаций, взаимосвязи цивилизационной динамики с демографическими, информационными, политическими и другими процессами, а также перспектив развития цивилизаций в стремительно модернизирующемся мире. Особое внимание в работах ученых-культурологов уделяется проблеме специфики российской цивилизации как предельно гетерогенного социокультурного образования (Г.А. Аванесова, А.С. Ахиезер, Б.С. Ерасов, В.Б. Земсков, И.В. Кондаков, М.П. Мчедлов, А.С. Панарин, Г. Померанц, Л.И. Семенникова, С. Семенов, В.В. Трепавлов, А.Я. Флиер, Я.Г. Шемякин, И.Г. Яковенко, Ю.В. Яковец и др.).

Всплеск научного интереса к данной проблеме обусловлен сложившейся на рубеже XX-XXI веков социокультурной ситуацией в России, а именно радикальным изменением вектора исторического развития страны, который

сопровождается кризисными процессами во всех сферах жизни общества, в том числе и в сфере культуры. Ситуация кризиса актуализирует вопрос о возможных путях развития России, о ее будущей судьбе. Однако и сегодня в российской науке не сложилось единого подхода к определению понятия «цивилизация», выявлению универсальных принципов строения, функционирования и развития цивилизационных систем, факторов, определяющих их возникновение, развитие и гибель, к построению типологий цивилизаций и т.д. Все это дает основания говорить, что единая научная «теория цивилизаций» как таковая еще не разработана, а существуют различные концепции цивилизаций, основанные на сходных методологических установках и принципах, называемых сегодня цивилизационным подходом. Этим обусловлены и слабые стороны цивилизационного подхода, отмечаемые учеными, в частности расплывчатость критериев выделения типов цивилизаций, определения причинно-следственных связей и зависимостей между этими критериями и др.

2.2 Историография цивилизационных исследований

В историографии проблемы российской цивилизации принято выделять три этапа [13]. Началом первого дореволюционного этапа стала публикация в 1869 году книги Н.Я. Данилевского «Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Романо-Германскому». Ученый пишет о самобытном славянском культурно-историческом типе, который должен был сформироваться в ходе борьбы против враждебных внешних сил. Ядро Всеславянского Союза, по мнению мыслителя, должна составить Россия, поскольку в то время только русский народ, единственный из всех славянских народов, «достиг политической самостоятельности и сохранил ее – условие, без которого, как свидетельствует история, цивилизация никогда не начиналась и не существовала, а потому, вероятно, и не может начаться и существовать» [1, с. 431].

Следует отметить, что книга Н.Я. Данилевского стала одной из первых работ, выполненных в рамках цивилизационного подхода, и внесла большой вклад не только в осмысление специфики российской цивилизации, но и в становление основных положений цивилизационной теории. Выступая с критикой эволюционизма в интерпретации культуры, Данилевский отрицает возможность некой универсальной схемы культурно-исторического процесса, отказывается признавать за Европой роль «эталонного образца» для других культурно-исторических типов, подчеркивает множественность культур, их несводимость друг к другу.

Стремление понять каждую культуру в ее неповторимом своеобразии, уникальности, определяет такие особенности концепции Н.Я. Данилевского, как описательность, использование при анализе культур методологии естествознания, натурализм в трактовке культуры, когда законы развития биологических организмов экстраполируются на развитие культуры [9].

Основанием для анализа и оценки культурно-исторических типов становится у Н.Я. Данилевского разработанная им типология культурной деятельности, доминирующая в том или ином типе культуры. Таким видами деятельности являются религиозная, культурная, политическая, общественно-экономическая. Исходя из данной типологии, одноосновными ученый называет культурно-исторические типы, в которых доминирует один вид деятельности (например, в римской культуре – политическая деятельность, в еврейской – религиозная и т.д.). Двухосновой является европейская культура, развивающая политическую и культурную деятельность. И только один культурно-исторический тип – славянский, который должен стать органическим единством всех видов деятельности, является 4-основным. Основным субстратом данного типа будет русский народ, который исполнен мягкости, покорности и почтительности, уважения и доверия к власти. «Идеализация русского национального характера, православия и самодержавия, в котором, по словам Данилевского, найдено удовлетворительное решение социально-экономических задач» [9, с. 130] стало основанием трактовки

философии истории и философии культуры Н.Я. Данилевского как позднего славянофильства и панславизма. Так, П.Н. Милюков назвал книгу Н.Я. Данилевского Библией славянофильства, а К. Леонтьев, развивавший идеи мыслителя, увидел в концепции культурно-исторических типов способ обоснования панславизма и идеи национально-культурной исключительности русской культуры.

Неоднозначную и довольно противоречивую трактовку получает в работе Н.Я. Данилевского проблема полиэтничности России. С одной стороны, мыслитель как убежденный патриот своей страны, дает крайне негативную оценку росту культурного и политического влияния Европы на Россию в XVIII-XIX веках. Но, с другой стороны, он фактически игнорирует опустошительное воздействие на Россию монголо-татарского ига. Татарское иго, по мнению ученого, – это позитивная, творческая «сила, посредством которой московские государи приводили русский народ в государственное объединение» [1, с. 257-258] и таким образом готовили его к великому цивилизационному поприщу.

С одной стороны, мыслитель говорит о позитивной роли монголо-татарского нашествия для становления российской государственности. С другой – игнорирует ту культурную силу, которая была представлена исламскими народами России и могла бы стать препятствием к созданию Всеславянского союза.

С одной стороны, Н.Я. Данилевский характеризует Россию как государство, где «всякая народность имеет право на самостоятельное существование в той именно мере, в какой сама его осознает и имеет на него притязание» [1, с. 20]. Но, с другой стороны, признает историческую неизбежность полной ассимиляции нерусских народов страны: «Такие племена, как, например, баски..., кельты... и наши многочисленные финские, татарские, самоедские, остяцкие и другие племена, предназначены к тому, чтобы сливаться постепенно и нечувствительно с той исторической народностью, среди которой они рассеяны, ассимилироваться ею и служить к увеличению разнообразия ее исторических проявлений» [1, с. 21].

Все эти противоречия концепции Н.Я. Данилевского позднее были унаследованы представителями евразийства.

Второй этап исследования специфики российской цивилизации связан с евразийством – идеологией, возникшей после Великой Октябрьской социалистической революции, в 20-е годы XX века, в русской эмигрантской среде. Данное движение было представлено людьми самых разных политических ориентаций и взглядов, работавшими в разных областях общественности: экономист П.Н. Савицкий, искусствовед П.П. Сувчинский, лингвист и этнограф Н.С. Трубецкой, философ-богослов Г.В. Флоровский и др.

В течение 10 лет (начало 20-х – конец 20-х годов) вышло много сборников работ евразийцев, в том числе манифест «Евразийство». В конце 20-х годов евразийство вступило в фазу кризиса и раскола. Одной из главных причин недоверия русской интеллигенции к движению было сближение его с советской властью, призыв к сотрудничеству с большевиками. Постепенно происходит спад евразийской волны.

В основе евразийской концепции лежали 4 основные идеи.

1. Главная идея евразийства – **утверждение особых путей России как Евразии**. Россия – это особая культура, занимающая особое место среди других культур и выполняющая особую миссию. Это не Запад и не Восток, а особый мир – Евразия. Русские люди, как и все народы России, не являются ни азиатами, ни европейцами – они евразийцы. Важную роль в становлении специфики евразийской культуры сыграло ее «месторазвитие»¹ – понятие, близкое по смыслу понятию «хронотоп культуры» и отражающее пространственно-временные характеристики культуры.

Евразийцы утверждали, что русский народ не может быть сведен к славянскому этносу, так как в его образовании большую роль играли постоянно взаимодействующие с ним тюркские и финно-угорские племена: «Национальным субстратом того государства, которое прежде называлось

---

¹ Понятие, используемое сначала П.Н. Савицким, а затем Г.В. Вернадским. Г.В. Вернадский пишет: «Под месторазвитием человеческих обществ мы понимаем определенную географическую среду, которая налагает печать своих особенностей на человеческие общности... Социально-историческая среда и географическая обстановка сливаются в некое единое целое, взаимно влияя друг на друга» [цит. по: 10, с. 105].

Российской империей, а теперь называется СССР, может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемая как особая многонародная нация и в качестве таковой обладающая своим национализмом» [14, с. 24].

Евразийство выступило с критикой европейской культуры. Во-первых, культуру Европы они не признавали в качестве общечеловеческой. «Европейская цивилизация не есть общечеловеческая культура, а лишь культура определенной этнографической особи, романо-германцев, для которой она и является обязательной», – пишет Н.С. Трубецкой [14, с. 27]. Во-вторых, европейская культура оценивалась ими как упадочная, разлагающая и ведущая человечество в тупик. Свидетельством этого они считали войны, русскую революцию, идеи которой зародились в Западной Европе. В-третьих, критикуя западную культуру, они, в отличие от славянофилов, признавали существенное влияние на русскую культуру восточного, туранского элемента, «наследия Чингисхана». Так, П.Н. Савицкий утверждает: «Без татарщины не было бы России». А Н.С. Трубецкой пишет: «Если монголо-татарское иго дало России государственность, то романо-германское иго дало России большевизм». С точки зрения евразийцев, «татарщина не замутила чистоты национального творчества ... Велико счастье Руси, что в момент, когда в силу внутреннего разложения она должна была пасть, она досталась татарам и не кому другому» [14, с. 93].

Вторичное объединение Руси произошло благодаря напряженному религиозному чувству, охватившему страну в эпоху монгольского нашествия. Таким образом, как и славянофилы, евразийцы признавали огромную роль православия как источника мощной духовной связи.

2. Вторая идея евразийства – **идея культуры как симфонической личности** (Л.П. Карсавин «Философия истории»). Отдельная личность индивидуальна, но всегда несовершенна. Полнота и совершенство присущи только соборной личности: семье, сословию, классу, народу. Все они обладают разной степенью соборности, образуя иерархию личностей. Взаимосвязь между

ними осуществляется в культуре как объективации симфонической личности. В свою очередь, культура конкретизируется в индивидах, каждый из которых вследствие этого становится симфонической личностью.

3. Средоточием русской культуры и ее высшей целью является **Русская церковь**. С позиций евразийцев, православие является подлинной вселенской религией и единственно верным, непогрешимым, истинным выражением христианства: «Евразийство стоит на почве Православия, исповедуя его, как единственную подлинную форму Христианства, и признает, что в качестве единственной истинной веры Православие и могло сыграть в русской истории роль творческого стимула», – пишет по данному поводу Н.С. Трубецкой [14, с. 83].

4. Особое место в евразийской концепции занимает **учение о государстве**. Для евразийцев характерна идеализация государства, абсолютизация его власти. Они считали, что чем здоровее народ и его культура, тем более сильной и жестокой является его государственность, то есть выступали за сильную власть, прообразом которой была советская власть. Государство – хозяин страны, и потому оно может вмешиваться во все сферы жизни ее субъектов.

Государство, обладающее сильной властью, управляется «демотическим правящим слоем», который отбирается из народа, связан с ним одной идеологией, а значит, способен выражать подлинные интересы народа. Такое государство подчинено единой идеологии, а потому евразийцы называют его идеократическим. Поскольку массы стихийны, деструктивны, неуправляемы, главная задача власти – пресекать все негативные действия масс. Поэтому здесь нет и не может быть многопартийной системы.

Выборность власти, участие в ней трудовых коллективов и общественных организаций сближает евразийское государство с СССР. Но коммунистическую партию евразийцы не считали демотической властью в силу ее атеизма и неспособности организовать хозяйство. Демотическая власть выражает интересы народа, которые неотделимы от идеи Бога. Поэтому на роль такой

власти евразийцы претендовали сами, но с использованием структур, созданных большевиками. Евразийцы отстаивали идею федеративного устройства России, идею сотрудничества и братства всех российских народов. Поскольку взгляды евразийцев на общественно-политическое устройство России во многом совпадали со взглядами большевиков, их нередко называли «православными большевиками».

Главной практической задачей своего движения евразийцы считали вытеснение большевистской идеологии и замену ее евразийской. Пытаясь повлиять на большевиков, многие из них вступили в сотрудничество с ГПУ, вследствие чего многие погибли в лагерях (Л.П. Карсавин). П.Н. Савицкий 10 лет провел в лагерях, пропал без вести С.Я. Эфрон.

Критика евразийской идеологии звучит в работах Н.А. Бердяева, Г.П. Федотова, Ф.А. Степуна, П.Н. Милюкова, П.М. Бицилли и др. Объектами критики стали следующие идеи евразийской концепции:

- этатизм, абсолютизация государства, идеократии;
- принятие власти большевиков, сотрудничество с советскими органами (с ГПУ);
- недооценка положительного влияния европейской культуры на Россию;
- позитивная оценка азиатского влияния, перечеркивание национальных преданий, выражающих отношение русского народа к монгольскому нашествию и др.

Началом **третьего этапа** (90-ые годы XX века) исследования специфики российской цивилизации стал распад СССР и всей социалистической системы, что обусловило потребность осмысления положения России в новых геополитических условиях и перспектив ее развития с учетом цивилизационной специфики. В российской социогуманитарной науке этого периода возникает множество работ, предметом которых становится российская цивилизация как полиэтничное и поликонфессиональное образование. Подобный взгляд на специфику России наиболее систематично и полно представлен в альманахе

«Цивилизации и культуры», который выходил ежегодно с 1994 года под редакцией Б.С. Ерасова.

Исследованию специфики российской цивилизации посвящено также издание «Цивилизации», выходящее под грифом Института всеобщей истории, а также сборники статей «Российская цивилизация (этнокультурные и духовные аспекты)» и «Обновление России: трудный поиск решений» под редакцией М.П. Мчедлова.

Современный этап историографии проблемы российской цивилизации характеризуется активной дискуссией научного сообщества по поводу будущего и возможных путей развития России, которые соответствовали бы ее культурно-цивилизационной специфике. Особенностью данной дискуссии становится теоретическое противостояние «евразийцев» и «атлантистов», которое можно трактовать как воспроизведение давнего спора славянофилов и западников в новых исторических условиях, как реакцию на «больной» вопрос российской общественной мысли: либо ориентация на Европу как на некий цивилизационный «образец», либо построение собственной модели развития, основанной на учете культурной специфики России.

Если атлантистов можно отнести к лагерю западников, то евразийцы – защитники культурной самобытности, идеологи «третьего пути». Не отрицая необходимости модернизации страны на социально-технологическом уровне, евразийцы в то же время ратуют за выработку идейной альтернативы потребительству, разъедающему современные общества, с целью защиты евразийской цивилизации от проникновения разлагающих ее культуру западных идей. Л.Г. Ионин называет несколько вариантов евразийства: либеральное (умеренное) евразийство, представленное известным отечественным политологом А.С. Панариным; коммунистическое (национал-большевистское), основные идеи которого изложены в работах председателя компартии РФ Г.А. Зюганова; консервативное, представленное «проектом великого возвращения» А.Г. Дугина [4, гл. 5].

Особого внимания заслуживают работы А.С. Панарина [11], наиболее яркого представителя демократического евразийства, посвященные исследованию специфики России и ее исторической судьбы. По определению А.С. Панарина, неоевразийство – это не реставрация основных положений евразийства 20-х годов XX века в современном контексте, а осмысление специфики России как предельно гетерогенного образования, возникшего на перекрестке самобытных культур. Выступая против политики вестернизации России и некритического копирования западных моделей организации общественной жизни, автор пишет, что Россия должна создать свою модель общественного устройства, на основе творческой интерпретации и западного, и восточного опыта. Такой новой моделью может стать евразийское государство, объединяющее многочисленные народы, некогда входившие в СССР. Эта модель, с позиций мыслителя, подготовлена всем ходом российской истории, многовековым опытом существования таких государственных образований, как Российская империя и СССР. Однако она должна быть создана не «сверху», силой государства, а на основе духовного единения славянских и тюркских народов вокруг некой мессианской идеи – сверхзадачи, ограничивающей разрушительную идеологию потребительства и обосновывающей аскетический идеал. Задачу формулирования такой идеи должна взять на себя российская интеллигенция.

Анализируя историографию исследований российской цивилизации, следует также отметить огромный пласт исторической литературы, исследующей особенности развития России на разных этапах истории, историю включения тех или иных национальных анклавов в социокультурное пространство России, проблемы взаимодействия отдельных народов в составе единой империи, принципы национальной политики российского государства и т.д. В этом плане ценный теоретический и фактический материал для исследователя российской цивилизации содержится, например, в фундаментальном труде Б.Н. Миронова «Социальная история России периода Империи» [7].

2.3 Основные направления современных цивилизационных исследований в России

Рост значимости феномена цивилизации и обилие литературы о различных проблемах цивилизационного развития привели к выделению особой научной дисциплины в системе наук о культуре и обществе – цивилиографии как науки о цивилизации. В частности такая попытка предпринята в одной из работ Е.Б. Черняка [19], в которой дается определение основных категорий данной науки, выявляются компоненты цивилизационной системы, методы исследований, вводится понятие генетической, функциональной и трансформационной структуры цивилизационных систем, цивилизационного пространства, цивилизационных революций, выявляются различия локальных цивилизаций.

На сегодняшний день можно выделить следующие актуальные направления современной цивилиографии:

1) исследования, дающие целостное представление о принципах устройства и развития цивилизаций, а также критический анализ теорий цивилизаций, разработанных в мировой гуманитарной науке. В качестве примера подобных фундаментальных работ, помимо книги Черняка Е.Б., следует отметить хрестоматию под редакцией Б.С. Ерасова «Сравнительное изучение цивилизаций» (2001), представляющую систематизированный отбор статей и фрагментов книг с вводными текстами и обширными комментариями к ним. В монографии Б.С. Ерасова «Цивилизации. Универсалии и самобытность» (2002) также представлено фундаментальное исследование различных аспектов современной цивилизационной теории: проблема определения цивилизации, цивилизационное устройство общества, принципы и пределы цивилизационной компаративистики, цивилизационные аспекты модернизации, роль религии в цивилизационной интеграции и др.;

2) исследования проблемы типологии цивилизаций, построенной на различных основаниях (В.Б. Земсков, Г. Померанц, С. Семенов, В.В. Трепавлов,

Я. Г. Шемякин, Ю.В. Яковец, И.Г. Яковенко). Одной из наиболее интересных и продуктивных с точки зрения изучения современного состояний цивилизации представляется типология, предложенная Я. Г. Шемякиным, В.Б. Земсковым, И.Г. Яковенко и рассматривающая специфику цивилизаций через призму наличия/отсутствия культурного синтеза. На этом основании авторами выделяются классические (синтетические) и неклассические (симбиотические) цивилизации, к которым относятся, как правило, пограничные цивилизации (византийская, евразийская, латиноамериканская). Определяющими признаками таких цивилизаций являются: симбиоз как культуuroобразующий механизм; преобладание принципа многообразия над принципом единства, расколотость ядра, конфликтность, цикличность развития, болезненная модернизация и др.;

3) исследования проблемы цивилизационной динамики: исторические фазы и этапы развития цивилизации; факторы, определяющие динамику цивилизаций на разных этапах ее развития: природно-климатические, геополитические, территориальные, культурные и пр.; причины надлома и упадка цивилизаций; механизмы социокультурного развития цивилизаций, специфика модернизации в различных цивилизациях и т.п. (А.С. Ахиезер, Н.Н. Зарубина, О.А. Сергеева, В.Г. Федотова, Ю.В. Яковец);

4) современные цивилизационные процессы, связанные с глобализацией, усилением межкультурных коммуникаций, модернизационными и пр. процессами и вхождением России в современный глобальный контекст. Так, в работе О.А. Сергеевой «Особенности современных цивилизационных процессов» (2002) осуществлен анализ социальных революций и фундаменталистских движений как следствий межцивилизационных взаимодействий, а также рассматриваются такие мало исследованные проблемы цивилизационной динамики, как роль этнокультурной маргинальности в трансформации цивилизационных систем, взаимодействие традиций и новаций, их роль в функционировании и развитии цивилизаций и др.;

5) исследования специфики России как пограничной, неклассической,

симбиотической цивилизации. В работах российских культурологов исследуются характерные черты российской цивилизации, обусловленные сочетанием в менталитете культуры противоположных культурных начал – западного и восточного: бинарность, противоречивость российской цивилизации, дискретность ее развития, проблема цивилизационной идентичности и др. (И.В. Кондаков, Ю.М. Лотман, Б.Г. Капустин, Г. Померанц и др.). А.С. Ахиезер в своих работах доказывает, что механизмом социокультурного развития России является инверсия, определяющая маятниковые колебания из крайности в крайность в ее исторической динамике. Специфика российской модернизации, а также факторы, определяющие сложность, замедленность, противоречивость модернизационных процессов в России, рассматривается в работах таких отечественных авторов, как Г.А. Аванесова, А.С. Ахиезер, Б.С. Ерасов, Н.Н. Зарубина, С.Г. Кара-Мурза, В.А. Красильщиков, Б.Н. Миронов, А.С. Панарин, В.Г. Федотова и др.

Вопросы семинара

1. Культурно-исторический подход как методологическая основа современных цивилизационных исследований.
2. Историография цивилизационных исследований.
3. Неоевразийство и его основные направления.
4. Современные цивилизационные процессы в осмыслении российских ученых.

Вопросы для самопроверки

1. Какой подход к исследованию культуры выступает в качестве методологической основы современных цивилизационных исследований?
2. Какие российские авторы используют сегодня цивилизационный подход в своих исследованиях культуры?
3. В чем сильные и слабые стороны данного подхода?

4. Какие этапы в историографии цивилизационных исследований в России выделяет М.П. Мchedлов?
5. В чем состоит специфика последнего, современного этапа цивилизационных исследований в России?
6. В чем состоит специфика изучения цивилизаций в публикациях Центра евразийских исследований Института востоковедения РАН и Российского института культурологии?
7. В чем суть теоретической полемики атлантистов и евразийцев в отечественной гуманитарной науке?
8. Какие направления современного неоевразийства называет Л.Г. Ионин?
9. Какими авторами они представлены и в чем суть каждого из них?
10. Назовите основные направления современных цивилизационных исследований.
11. Работы каких авторов посвящены специфике российской цивилизации?
12. Что нового внесла современная культурологическая мысль в осмыслении данной проблемы?
13. В работах каких авторов анализируются особенности современных цивилизационных процессов?
14. Что нового внесли российские авторы в осмыслении данной проблемы?

Индивидуальные задания по теме

Задание 1. Подготовить сообщение на одну из тем (по выбору):

- Проблема типологии цивилизаций в современных цивилизационных исследованиях.
- Проблема динамики цивилизаций в современных цивилизационных исследованиях.
- Проблема факторов цивилизационной динамики в исследованиях российских ученых.
- Проблема взаимодействия цивилизаций в современных цивилизационных исследованиях.

- Цивилизационные аспекты модернизации.

Задание 2. Подготовить сообщение на одну из тем (по выбору):

- Основные этапы исследований специфики российской цивилизации.
- Специфика России как пограничной цивилизации.
- Социокультурная динамика российской цивилизации.
- Культурное разнообразие как фактор социокультурной динамики России.
- Роль русского языка как языка межнационального общения народов России.

Задание 3. Подготовить сообщение на одну из тем (по выбору):

- Модернизация как глобальный процесс.
- Социокультурные аспекты современной глобализации.
- Межцивилизационное взаимодействие в эпоху глобализации.
- Роль демографического фактора в динамике современных цивилизаций.
- Мультикультурализм как принцип культурной политики современного Запада.

Литература, рекомендуемая для изучения темы

1. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Романо-Германскому / Н.Я. Данилевский. – СПб.: Изд-во СПб. Ун-та; Глагол, 1995. – 552 с.
2. Ерасов, Б.С. Цивилизации: Универсалии и самобытность / Б.С. Ерасов. – М.: Наука, 2002. – 523 с.
3. Земсков, В.Б. Латинская Америка и Россия (Проблема культурного синтеза в пограничных цивилизациях) / В.Б. Земсков // Общественные науки и современность. – 2000. – №5. – С.96-103.
4. Ионин, Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие: учебное пособие для студентов вузов / Л.Г. Ионин. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Логос, 2000. – 431 с.

5. Кондаков, И.В. Культурология: история культуры России: курс лекций / И.В. Кондаков. – М.: ИКФ Омега–Л, Высшая школа, 2003. – 616 с.
6. Лотман, Ю.М. Культура и взрыв / Ю.М. Лотман. – М.: Гнозис, Прогресс, 1992. – 272 с.
7. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода Империи (XVIII – начало XX века): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2-х т. / Б.Н. Миронов. – СПб: Дмитрий Буланин, 2000. – Т.1 – 548 с.; т. 2 – 566 с.
8. Мухамеджанова, Н.М. Основы современной цивилизационной теории: конспект лекций / Н. М. Мухамеджанова. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2013. – 318 с.
9. Огурцов, А.П. Концепции культурно-исторических типов / А.П. Огурцов // Постижение культуры: ежегодник. Вып. 5-6. – М.: Российский институт культурологии, 1996. – С. 112-149.
10. Орлова, И.Б. Евразийская цивилизация. Социально-историческая ретроспектива и перспектива / И.Б. Орлова. – М.: НОРМА, 1998. – 280 с.
11. Панарин, А.С. Философия политики: учебное пособие для политологических факультетов и гуманитарных вузов / А.С. Панарин. – М.: Новая школа, 1996. – 424 с.
12. Померанц, Г. Выход из трансa / Г. Померанц. – М.: Юрист, 1995. – 575 с.
13. Российская цивилизация: учебное пособие для вузов / под общ. ред. М.П. Мчедлова. – М.: Академический проект, 2003. – 656 с.
14. Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн: антология / РАН, Ин-т философии; ред.-сост. Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. – М.: Наука, 1993. – 368 с.
15. Семенов, С. Ибероамериканская и восточноевразийская общности как пограничные культуры / С. Семенов // Общественные науки и современность. – 1994. – №2. – С.159-169.
16. Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия / под ред. Б.С. Ерасова. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 556 с.

17. Федотова, В.Г. Хорошее общество / В.Г. Федотова. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. — 544 с.
18. Цивилизации и культуры. Вып. 1. Россия и Восток: цивилизационные отношения: сб. ст. / гл. ред. Б.С. Ерасов. – М., 1994. – 250 с.
19. Черняк, Е.Б. Цивилиография. Наука о цивилизации / Е.Б. Черняк. – М.: Международные отношения, 1996. – 384 с.
20. Шемякин, Я.Г. Отличительные особенности «пограничных» цивилизаций (Латинская Америка и Россия в сравнительно-историческом освещении) / Я.Г. Шемякин // Общественные науки и современность. – 2000. – №3. – С. 96-114.
21. Яковец, Ю.В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций / Ю.В. Яковец. – М.: Экономика, 2001. – 346 с.

3 Культурная экология как направление исследований культуры в России

План

1. Возникновение культурной экологии как направления прикладных исследований и учебной дисциплины.
2. Становление культурной экологии в российской науке.
3. Основные проблемы, разрабатываемые в современной экологии культуры в России.

3.1 Возникновение культурной экологии как направления прикладных исследований и учебной дисциплины

В 60-70-е годы XX века под влиянием идей неозволюционизма в западной науке возникает экологическая антропология – направление социокультурных исследований, изучающее взаимодействие культуры и природной среды. Возникновение экологической антропологии стало реакцией

на глобальные экологические проблемы, ставшие предметом дискуссии всего мирового научного сообщества. В 60-70-е годы XX века происходит институционализация данного научного направления в образовательных и исследовательских учреждениях: в 1969-1978 годы в США принимается государственная программа «Культурная экология и культурная интеграция», в Великобритании также в 1960-1972 годы принимается программа «Культурная экология». Сегодня культурная экология – актуальное и перспективное направление научных исследований, в круг проблем которой входит:

- мониторинг негативных воздействий культуры на природную среду;
- сохранение популяций традиционных обществ и традиционных культур;
- сокращение «культурной дистанции» между традиционными и модернизированными обществами;
- проблема «демографической экологии» – сохранения вымирающих популяций и этнокультурных сред.

В 90-е годы XX века дисциплина «Культурная экология» вводится в учебные планы специальности (позднее – направления подготовки) «Культурология», целью которого является рассмотрение наиболее актуальных проблем сохранения природного и культурного наследия в XX – начале XXI века. Курс был призван знакомить студентов с содержанием и основными задачами культурной экологии как направления современных прикладных исследований; с основами законодательства по охране, сохранению и использованию культурного и природного наследия; с современным состоянием и проблемами сохранения культурного наследия России; а также формировать у молодежи ответственное отношение к природному и культурному наследию России и родного края.

Впервые термин «культурная экология» встречается у американского антрополога, этнолога *Джулиана Стюарда (1902-1972)* в книге «Теория культурных изменений» (1955). Дж. Стюард испытал значительное влияние идей неозволюционизма Л. Уайта, который рассматривал культуру как

инструмент, с помощью которого люди приспосабливаются к природной среде. Но стремился выработать самостоятельный подход к исследованию культуры.

Дж. Стюард рассматривал культуру как особую систему, развитие которой определяется потребностью адаптации к специфическим для нее условиям природной среды. Культурная экология, по определению ученого, – это учение о человеческой адаптации к физическому и социальному окружению. По мнению Дж. Стюарда, эволюция культуры может идти разными путями, но общества, которые находятся в сходных природно-климатических условиях и примерно на одном уровне технологического развития, развиваются сходным образом. Именно этим феноменом «параллельной эволюции», по Стюарду, объясняется совпадение процессов развития обществ, которые географически расположены далеко друг от друга и не контактируют между собой. По мнению ученого, сходство различных обществ невозможно объяснить, опираясь только на теорию культурной диффузии. Чтобы объяснить происхождение тех или иных культурных форм, необходимо проанализировать взаимосвязи между природной средой обитания, уровнем технологического развития и функционированием общества. Таким образом, Дж. Стюард создает свою концепцию «множественности эволюции», ставшей основой теории культурных изменений.

С позиций Дж. Стюарда, существует *три основных подхода* к исследованию законов развития культуры:

- 1) теория однолинейной эволюции, исходящая из идеи единого развития всех культур и признающая лишь различия в стадиях их развития;
- 2) теория культурного релятивизма, делающая акцент на качественных различиях между культурами разных народов;
- 3) теория многолинейной эволюции, обосновывающая идею о том, что эволюция культур может идти разными путями в зависимости от форм их приспособления к условиям окружающей среды.

Различные условия окружающей среды требуют различных форм адаптации к ним, поэтому культуры развиваются в разных направлениях. А

значит, необходимо рассматривать много видов культурной эволюции и множество ее факторов. Именно исследование данных взаимоотношений культуры с окружающей средой и составляет *предмет культурной экологии*, которая отличается от «человеческой экологии» и «социальной экологии», означающих просто биологическое приспособление человека к среде своего существования.

Культурная адаптация представляет собой *непрерывный процесс*, так как ни одна культура не может окончательно приспособиться к окружающей ее природной среде. Основные черты культуры зависят от условий природной среды, однако эта зависимость детерминирована культурными факторами. Дж. Стюард вводит понятие «культурный тип», означающее совокупность специфических черт культуры, образующих ее ядро.

Признавая экологию важным фактором развития культуры, Стюард вместе с тем считал, что далеко не все черты культуры могут быть объяснены потребностью в экологической адаптации. Зависимость культуры от природной среды не всегда носит прямой характер. Как показывает историческая практика, чем проще культура, тем сильнее ее зависимость от географической среды, и наоборот.

Исследуя роль природной среды в развитии культуры, ученый приходит к выводу об амбивалентном характере этой зависимости: с одной стороны, природа может выступать как созидательная сила, с другой – как фактор, ограничивающий развитие культуры. Последнее имеет большое значение, так как любая социокультурная система имеет определённые пределы своих изменений, иначе люди не выживут. Эти пределы могут быть широкими или узкими, допускать больший или меньший диапазон тех культурных действий, которые зависят от них. При этом большую свободу от ограничений внешней среды, а значит, и более широкий культурный диапазон, имеет общество, обладающее более развитой технологией [см. 1, 13].

В настоящее время наиболее значительным представителем неозволюционизма, называющим себя продолжателем идей Л. Уайта и

Дж. Стюарда, является американский антрополог *Марвин Харрис (1927)*, автор труда «Культурный материализм». Эколого-эволюционный подход к исследованию культуры представлен также в работах американских антропологов *Герхарда (1924)* и *Жана (1929) Ленски* [см. 14].

Таким образом, основными идеями неозволюционизма, легшими в основу культурной экологии, стали следующие идеи:

- культура есть результат адаптации общества к окружающей природной среде;
- культурная адаптация представляет собой непрерывный процесс, поскольку ни одна культура идеально не приспособилась к среде, чтобы превратиться в статичную;
- каждая культура имеет ядро, которое определяется специфическими условиями природной среды, к которой адаптируется культура;
- ядро любого «культурного типа» включает в себя религиозные, политические и социальные институты, тесно взаимодействующие с производством средств существования;
- культурная среда – неременное условие духовной жизни человека, привязанности его к родным местам и следования заветам предков [13].

3.2 Становление культурной экологии в российской науке

Таким образом, базовым понятием культурной экологии является понятие адаптации. В российской науке изучение данной темы осуществлялось в рамках этнической экологии, которая по своим исследовательским целям, задачам и методам была близка к западной культурной экологии.

Этническая экология возникла в России во второй половине 1970-х годов как «научная дисциплина, расположенная на стыке этнографии с экологией человека (социальной экологией) и имеющая зоны перекрытия с этнической географией, этнодемографией и этнической антропологией» [4, с. 8].

В соответствии с установками советской идеологии, не признающей достижений западной общественной науки, утверждалось принципиальное отличие этнической экологии от культурной, разработанной Дж. Стюартом. Это различие состояло в том, что последняя признает определяющую роль природной среды в развитии культуры и, в конечном счете, признает географическую детерминированность культуры [4, с. 8]. По сути же географический детерминизм присущ обоим направлениям в равной степени, а данное отличие выглядит надуманным.

Как и в культурной экологии, в этнической экологии главным акцентом изучения были проблемы адаптации общества к окружающей природной среде. Культура рассматривалась как механизм, с помощью которого осуществлялась такая адаптация. Особая заслуга в исследовании проблем адаптации и культуры как адаптивного механизма принадлежит в российской науке Э.С. Маркаряну, который в своих трудах представил более глубокую и оригинальную, чем в западной этнологии, разработку данных явлений. С точки зрения ученого, определяющей характеристикой любых систем – от простого живого организма до общества – является стремление к самосохранению и самовоспроизводству. Если система утрачивает возможность вырабатывать механизмы, препятствующие нарастанию энтропийных процессов, то она распадается. Таким механизмом по отношению к обществу выступает культура как специфический *способ* человеческой деятельности, имеющий адаптивную и негэнтропийную природу [9, с. 8]: «В понятии культура абстрагируется именно тот механизм деятельности, который не задается биологической организацией и отличает проявление человеческой активности» [8, с. 97], – пишет ученый.

Самосохранение и воспроизводство культуры осуществляется через процессы адаптации, то есть через приведение различных форм жизни в соответствие с изменяющимися условиями окружающей среды, поэтому главной функцией культуры является адаптивная функция, которая является предпосылочной и интегративной для всех других функций культуры [8, с. 98]. Адаптивная функция имеет двойственный характер и осуществляется как:

- а) адаптация общества к природе,
- б) адаптация природы к потребностям общества.

Поэтому культура – это адаптивно-адаптирующая система [9, с. 10].

Адаптация общества к условиям своего существования имеет два основных аспекта: 1) адаптация к природной среде, 2) адаптация к социальной среде. Поэтому культура как универсальная технология человеческой деятельности включает в себя две основные подсистемы:

1) материальная технология – комплекс средств, позволяющих обществу адаптироваться к природной среде (одним из элементов материальной технологии является культура жизнеобеспечения: жилище, поселения, пища, одежда);

2) социальная технология – социально-технологический комплекс культуры, позволяющий обществу адаптироваться к социальной среде и включающий в себя средства внутренней организации общественной жизни:

- институциональная технология – набор социальных институтов, определяющих социальные отношения (институт собственности, разделения труда, родства, брака, общественного управления и т.п.);
- гуманитарная технология – комплекс мировоззренческих и нормативно-ценностных идей и представлений этического, религиозного и эстетического характера, направленных на сферу человеческого сознания (технологии обучения, воспитания, просвещения, социального контроля, социализации) [6, с. 62-63].

Адаптация общества к среде своего существования происходит благодаря механизму «культурных мутаций» – инноваций, которые возникают в культуре, когда традиция перестает быть эффективным способом решения человеческих проблем в изменившихся условиях окружающей среды. Если культурные мутации, инновации проходят социокультурный отбор и принимаются обществом, они стереотипизируются и закрепляются в культуре, как закрепляются мутации, прошедшие естественный отбор, в генетических программах биологических видов [9, с. 86]. Закрепляются же в культуре только

те инновации, которые соответствуют изменившимся условиям окружающей среды. Таким образом, в этнической экологии адаптация рассматривается как движущая сила культурных изменений в обществе. Такой динамический подход к культуре был характерен практически для всех российских ученых, занимающихся проблемами этнической экологии. Этническая экология рассматривает этнос, его культуру и окружающую природную среду в динамическом единстве, то есть как сложную саморазвивающуюся систему [5, с. 14].

Таким образом, существенное отличие западной и российской науки состоит в понимании самого термина «адаптация». Если в западной культурной экологии культура рассматривается скорее как уравновешенное, стабильное образование, чем способная к изменениям, то в российской этнической экологии «адаптация отражает динамизм человеческой культуры» [5, с. 16].

Исследование процессов адаптации предполагает изучение пути, по которому пошло развитие культуры в условиях выбора возможных в данной среде стратегий адаптации. И этот выбор определяется не только особенностями природной среды, но и традициями, ценностями общества, уровнем его технологического развития, различными социальными факторами.

Особо подчеркивается в российской науке влияние на формирование стратегий адаптации социальных и ценностных факторов. Таким образом, понимание проблемы адаптации оказывается менее натуралистическим и материалистическим, чем в западной науке. Происходит значительное усложнение самого термина «культура», которая не сводится только к регулированию функций жизнеобеспечения, но допускает значительно более сложные толкования.

Значительное изменение претерпело очень важное в культурной экологии понятие «жизнеобеспечение» (subsistence), предложенное американским ученым-этнографом Р. Лоуи в качестве обозначения технологии добывания и производства пищи. В российской науке первым из этнографов это понятие стал использовать С. А. Арутюнов, и оно получило более широкое и понятийно

богатое толкование. Впоследствии на основе данного термина появились новые производные понятия, выходящие за рамки исходного значения.

Одним из таких понятий стало понятие «культура жизнеобеспечения», трактуемое как особый элемент культуры этноса [5, с. 14-15]. По определению И.И. Крупника, культура жизнеобеспечения – «взаимосвязанный комплекс особенностей производственной деятельности, демографической структуры и расселения, трудовой кооперации, традиций потребления и распределения, т.е. экологически обусловленных форм социального поведения, которые обеспечивают человеческому коллективу существование за счет ресурсов конкретной среды обитания» [5, с. 16]. Культура жизнеобеспечения – это процесс адаптации общества к природной среде, происходящий «путем соответствующего социально-организационного территориального освоения» [6, с. 36].

Отдельной важной темой этнической экологии является проблема психологической адаптации человека и общества к окружающей среде. Как отмечает В.И. Козлов, «к окружающей природной среде люди адаптируются не только в физическом, но и психологическом отношении. Несомненно, что если группа людей живет в одних и тех же условиях не одно столетие, то такая психологическая адаптация не проходит бесследно; известно о существовании некоторых связей между психологическим складом, темпераментом и природными условиями, хотя причинно-следственные закономерности не всегда четко прослеживаются. В целом механизмы психологической адаптации более гибки и действенны, чем физической, и такая адаптация идет быстрее, но и она требует времени. Люди привыкают к определенному ландшафту, считают его родным. Человек, выросший в холмистой лесной полосе, чувствует себя неуютно при переселении на равнинную степь или морское побережье, даже если климатические условия их очень близки. Характерно, что русские переселенцы в степные районы старались посадить около дома хотя бы одну березку или какое-то другое «родное» дерево, чтобы ослабить острое чувство ностальгии» [4, с. 13].

Следует также подчеркнуть, что, в российской этнической экологии, в отличие от западной культурной экологии, адаптация трактуется как процесс приспособления не только к природной среде, но и к среде социальной, к сложной и разнообразной сфере межобщественных связей и взаимодействий [6, с. 9]. Соответственно в системе жизнеобеспечения выделяется ее психологическая составляющая, главным содержанием которой является взаимоотношения людей с этнической, социально-культурной средой [4, с. 13].

Признание важной роли психологического аспекта адаптации приводит к тому, что понятие «культура жизнеобеспечения» охватывает не только рациональные, но и иррациональные элементы: легенды, ритуалы, элементы идеологии и т.п. Западные этнологи также признают наличие в культуре иррациональных адаптивных элементов, однако эти элементы исследуются преимущественно в рамках материальной, а не психологической адаптации.

В связи с исследованием проблем психологической адаптации особый интерес российских этноэкологов вызывает изучение миграций человека или группы людей в иную природную и социокультурную среду, проблема миграций и психического здоровья человека, утрачивающего связи с родной землей [7].

Таким образом, российская этническая экология и западная культурная экология разработали адаптивный подход в этнологической науке. Предметом изучения культурной (этнической) экологии является социокультурная и психологическая адаптация народа к изменяющимся природно-климатическим, социальным и культурным условиям своего существования.

Сегодня культурная экология трактуется как прикладная область, занимающаяся проблемами сохранения природного и культурного наследия.

3.3 Основные проблемы, разрабатываемые в современной экологии культуры в России

Проблема взаимосвязи природы и культуры – одна из сквозных тем гуманитарной науки, которой посвящали свои труды как классики гуманитарной мысли, такие, как Н.А. Бердяев, В.И. Вернадский, В.О. Ключевский, Н.О. Лосский, Ш.Л. Монтескьё, Л.И. Мечников, П.Н. Миллюков, Э. Реклю, так и наши современники: М.С. Каган, С.Э. Крапивенский, Н.Н. Моисеев, А.П. Назаретян и др. Однако если мыслители-классики сосредотачивали свое внимание в большей степени на проблеме влияния природы на культурные особенности того или иного народа, на его менталитет, образ жизни, формы общественного и государственного устройства и т.д., то во второй половине XX века эта проблема получает иное звучание в связи с обострением экологических проблем и осознанием необходимости выхода из экологического кризиса, угрожающего самому существованию человечества на Земле. Ученые исследуют истоки глобального кризиса культуры, особенности экологического сознания человека на разных этапах мировой истории, стремятся выявить культурные основания современного экологического кризиса и предложить пути выхода из него. Так, главной культурной причиной современного экологического кризиса многие мыслители считают установку на антропологическую исключительность человека, связанную с христианской интерпретацией человека как существа, созданного по «образу и подобию» Бога. Современные философы трактуют экологический кризис, во-первых, как частное проявление кризиса культуры; во-вторых, как закономерный, логический этап в развитии человечества, вызванный его активной преобразовательной деятельностью; в-третьих, как переходную эпоху, в которой формируются тенденции, позволяющие человечеству выйти на качественно новый этап развития и выработать новые стимулы своей жизнедеятельности [10, 11].

Значимым аспектом исследований в области культурной экологии является культуроохранная деятельность, началом которой в Европе стала эпоха Возрождения, когда возникает интерес к античному наследию и коллекционирование предметов старины, а в нашей стране – эпоха Петра I, когда издаются первые документы о государственной опеке над памятниками, их учете и изучении. Понятие «охрана» («сохранение») в нашей стране получило распространение в XIX веке, оно использовалось в многочисленных проектах специальных законов о памятниках старины и имело по преимуществу юридический смысл. Однако в последние десятилетия данное понятие интерпретируется значительно шире и включает в себя широкий круг проблем, связанных с выявлением, изучением, использованием и популяризацией объектов природного и культурного наследия. Значительным шагом в данном направлении было присоединение нашей страны в 1989 году к Конвенции ЮНЕСКО об охране Всемирного культурного и природного наследия (1972), правовые нормы которой вошли в российское законодательство, а также включение российских объектов в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО и формирование национального Списка особо ценных объектов наследия.

Вопросы сохранения культурного наследия становятся предметом оживленных дискуссий в научной среде российского общества. Новый подход к осмыслению феномена наследия представлен в разработках Российского НИИ культурного и природного наследия, учрежденного Д. С. Лихачевым в 1992 году в соответствии с Конвенцией ЮНЕСКО. Ведущими учеными Института являются Ю. М. Веденин, Ю. Л. Мазуров, В. П. Максаковский, Р. Ф. Туровский, П. М. Шульгин и др.

С этого времени начинается особенно активное исследование проблем культурной экологии в нашей стране:

1) исследование теоретических и практических вопросов состояния и охраны памятников природного и культурного наследия в нашей стране содержится в работах Е.М. Акулича, Ю.А. Веденина, Г.М. Галуцкого, Е.В. Дукова, М.Ю. Евдокимова, Е.В. Евдокимовой, М.Е. Каулен, М.Е. Кулешовой, А.В.

Лисицкого, А.А. Мазенковой, Ю.Л. Мазурова, Н.В. Максаковского, Е.Н. Мастеницы, С.Н. Молчанова, П.Н. Савицкого, П.М. Шульгина и др.;

2) проблематика государственной культурной политики в сфере охраны наследия, в том числе в сфере законотворческой деятельности находит свое освещение в работах Т. В. Боргояковой, И. И. Горловой, А. С. Дзасохова, Н.А. Ивановой, Д.С. Лихачева, С. Н. Молчанова, Е. Н. Нарховой, Я.Д. Найденова, С. В. Павловой, Е. В. Хлыщевой и др.;

3) различные аспекты охраны памятников природного и культурного наследия в советский и постсоветский периоды отечественной истории: правовые, экономические, управленческие (работы А. Бурдена, Ю.А. Веденина, М. Драгичевич-Шешич, Г.П. Иванова, И.А. Игнаткина, М.Е. Кулешовой, Т.С. Федоровой и др.);

4) деятельность учреждений культуры: музеев, архивов, библиотек – по охране культурного наследия, общественных организаций и фондов защиты культурного наследия (К.И. Абрамов, Е.М. Акулич, Е.В. Алексеева, С.И. Ефремова, Б. Ф. Володин, Н. А. Ионина, Е. М. Корнева, О. В. Лысикова, А.Ю. Низовский, О. И. Талалакина, В. Л. Янин и др.);

5) поскольку природное и культурное наследие трактуется сегодня как важнейший ресурс устойчивого развития региона, в проблематике культурной экологии отводится серьезное внимание исследованиям

- *региона как специфического социокультурного пространства* (работы М.Г. Ганопольского, Е.А. Дранниковой, В.Л. Каганского, Г.М. Казаковой, Г.С. Корепанова, Н.Н. Некрасова, В.В. Маркина, Н.А. Овчар, И.И. Сигова, М.А. Столярова, Р.Ю. Федорова, В.С. Цукермана и др.);

- *региональной культуры, региональной идентичности* (работы О.В. Байдаловой, Л.Н. Захаровой, В.А. Мазина, И.Я. Мурзиной, Р.Ф. Туровского, Н.А. Овчар, Л.Г. Олех, М.А. Поляковой, С.П. Постниковой, Е.Н. Селезневой, Э.А. Уткина, Н.С. Южалиной и др.);

- *особенностей культурной политики региона* (работы Л. Е. Вострякова, Ф.Д. Кожурина, Н. М. Межевич, С. В. Павловой и др.)

- *способов сохранения памятников наследия на региональном уровне*, в том числе создание специализированной системы управления в сфере охраны наследия (А. В. Кенинг, А. В. Конев, П. А. Косинцев, Н. А. Овчар, А. С. Погорелов, И. Н. Сивоха, Р. Ю. Федоров и др.).

Таким образом, культурная экология – формирующаяся, актуальная для нашей страны область культурологического знания, имеющая многочисленные точки соприкосновения с другими новыми направлениями современной культурологии: культурной географией, социокультурной регионалистикой, культурной политикой, музееведением и др.

Вопросы семинара

1. Культурная экология как направление прикладных исследований и учебная дисциплина.
2. Аксиология культурного наследия.
3. Культурная политика в области сохранения природного и культурного наследия.
4. Сущность и содержание охранной деятельности.
5. Современное состояние и проблемы сохранения природного и культурного наследия в России.

Вопросы для самопроверки

1. Когда возникла культурная экология как направление прикладных исследований?
2. Какова история термина «культурная экология»? Что понимается сегодня под данным термином?
3. Кто считается основоположником данного направления?
4. Назовите основные идеи концепции культурной экологии Дж. Стюарта.
5. Назовите основные идеи концепций культурной экологии М. Харриса, Г. и Ж. Ленски.

6. В рамках какого направления российской науки разрабатывалась проблема адаптации народа к условиям своего существования?
7. Кому из российских ученых принадлежит особая заслуга в разработке понятий адаптации и культуры в качестве адаптивного механизма?
8. Назовите основные идеи концепции культуры Э.С. Маркаряна.
9. В чем состоит существенное отличие российской этнической экологии и западной культурной экологии в разработке проблем адаптации?
10. Каковы цели и задачи культурной экологии?
11. Какие группы, классы объектов культурного наследия выделяются в культурной экологии?
12. Какие международные документы в защиту культурного наследия вам известны?
13. Какие российские документы в защиту культурного наследия вам известны?
14. Какова сущность и содержание охранной деятельности в сфере культурного наследия?
15. Какие общественные организации и фонды в мире и в нашей стране занимаются защитой природного и культурного наследия?
16. В чем состоит суть высказывания Д.С. Лихачева об экологии культуры?
17. Почему проблемы культурной экологии приобрели сегодня особую актуальность?

Индивидуальные задания по теме

Задание 1. Подготовить сообщение на одну из тем (по выбору):

- Современный экологический кризис как кризис антропоцентристского сознания.
- Аксиология культурного наследия.
- Культурная политика в области сохранения природного и культурного наследия.
- Сущность и содержание охранной деятельности.

- Деятельность учреждений культуры по охране культурного наследия.

Задание 2. Подготовить сообщение на одну из тем (по выбору):

- Пакт Рериха и его значение для сохранения культурного наследия человечества.
- Декларация прав культуры» Д.С. Лихачева и ее значение для сохранения культурного наследия человечества.
- Современное состояние и проблемы сохранения культурного наследия Российской Федерации.
- Объекты природного наследия г. Оренбурга и Оренбургской области.
- Объекты культурного наследия г. Оренбурга и Оренбургской области.

Задание 3. Подготовиться к дебатам по теме «Культура и природа: нужна ли человечеству новая экологическая этика?»

Литература, рекомендуемая для изучения темы

1. Белик, А.А. Культурология. Антропологические теории культур / А.А. Белик. – М.: Российский гос. гуманитар. ун-т, 1999. – 241 с.
2. Горелов, А.А. Социальная экология / А.А. Горелов. – М.: ИФ РАН, 1998. – 263 с. Режим доступа: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=63217> (дата обращения 15.10.2018).
3. Горелов, А. А. Эволюция культуры и экология / А. А. Горелов. – ИФ РАН, 2002. – 305 с. – Режим доступа: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=62685> (дата обращения 15.10.2018).
4. Козлов, В.И. Основные проблемы этнической экологии / В.И. Козлов // Этнографическое обозрение. – 1983. – №1. – С. 8-17.
5. Крупник, И.И. Арктическая этноэкология: Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии / И.И. Крупник. – М.: [б.и.], 1989. – С.14.

6. Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры) / отв. ред. С.А. Арутюнов [и др.]. – Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1983. – 319 с.
7. Лурье, С.В. Историческая этнология: учебное пособие для вузов / С.В. Лурье. – М.: Академ. проект: Гаудеамус, 2004. – 624 с.
8. Маркарян, Э.С. Теория культуры и современная наука (логико-методологический анализ) / Э.С. Маркарян. – М.: Мысль, 1983. – 284 с.
9. Методологические проблемы исследования этнических культур. Материалы симпозиума / Э.С. Маркарян [и др.]; АН Армянской ССР. – Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1978. – 152 с.
10. Мухамеджанова, Н.М. Духовный кризис личности как отражение кризиса культуры / Н.М. Мухамеджанова. – Оренбург: Изд-во ООИПКРО, 2001. – 146 с.
11. Мухамеджанова, Н.М. Культурная экология: конспект лекций [электронный ресурс] / Н.М. Мухамеджанова. – Оренбург: ОГУ, 2016. – 110 с. – Режим доступа: http://artlib.osu.ru/web/books/metod_all/9995_20160330.pdf (дата обращения: 08.10.2018).
12. Никифорова, А.А. Состояние и охрана памятников природного и культурного наследия в регионах ресурсного типа: автореф. на соискание уч. степени к. культурологии; специальность 24.00.01 – теория и история культуры / А.А. Никифорова. – Нижневартовск: НГГУ, 2011. – 16 с.
13. Садохин, А.П. Этнология: учебник / А.П. Садохин. – М.: Гардарики, 2000. – 256 с.
14. Штомпка, П. Социология социальных изменений / П. Штомпка // Социологическая библиотека. – Режим доступа: www.socioline.ru (дата обращения 14.09.18).

4 Региональная проблематика в российских практиках изучения культуры

План

1. Актуальность проблем культурной регионалистики. Понятие «социокультурный регион».
2. Теоретические основы и методологические проблемы культурной регионалистики.
3. Основные направления социокультурной регионалистики.

4.1 Актуальность проблем культурной регионалистики. Понятие «социокультурный регион»

Актуальность региональной проблематики в современной социогуманитарной науке связана с активизацией ряда общественно-исторических процессов: на мировом уровне – это диалектически взаимосвязанные процессы глобализации, локализации и регионализации; на национальном уровне – процессы суверенизации в постсоветском геополитическом пространстве, в том числе и на территории России; на локальном уровне – рост регионального и этнического самосознания у некогда слабо дифференцированной общности, называемой «советским народом». Процессы регионализации в современной России – это процессы преобразования единого монокультурного пространства в гетерогенное, поликультурное, отличающееся разнообразием качественных и количественных характеристик входящих в него регионов [3].

Об актуальности региональной проблематики в современных социокультурных исследованиях свидетельствует огромное количество *научно-практических конференций*, которые проводятся по региональной проблематике. Например, Оренбург в последние годы стал местом проведения нескольких Всероссийских и межрегиональных научных конференций, семинаров, «круглых столов», Дней национальных культур, интересных с точки

зрения стимулирования дальнейшей исследовательской и популяризаторской работы, обобщения накопленного материала.

Назовем в качестве примера лишь часть опубликованного по их итогам: Национальные проблемы народов Оренбуржья: история, современность: материалы научно-практической конференции, г. Оренбург, 15 октября 1993 г. – Оренбург, 1993; Укрепление взаимосвязей народов Урала и Поволжья и проблемы национальной региональной политики. – Оренбург, 1994; Национальные организации в многонациональном регионе: материалы круглого стола (23 апреля 1996 года). – Оренбург, 1996; Проблемы этнокультурного развития русского народа: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Оренбург, 2004; Цивилизационное развитие Оренбургского края: сборник статей научной конференции посвященной 300-летию со дня рождения устроителя Оренбургского края, первого члена-корреспондента РАН Петра Ивановича Рычкова, Оренбург, 26 октября 2012 г. – Оренбург, 2012, и др. Раз в два года в Оренбурге, на базе Оренбургского государственного педагогического университета, проводятся Большаковские чтения по теме «Оренбургский край как историко-культурный феномен» (в 2018 году – девятые Большаковские чтения).

Свидетельством устойчивого научного интереса к проблемам регионалистики является также создание в Оренбурге (на базе педагогического и аграрного университетов) научно-исследовательских центров изучения истории и культуры народов Южного Урала – своего рода координаторов научных исследований в данном контексте (см., например: Многоэтничное Оренбуржье: библиографический указатель. – Оренбург, 2003).

Издаются *научные журналы* междисциплинарного характера, на страницах которых обсуждаются проблемы регионалистики: экономические, политические, исторические, культурологические и пр. Так, с 2001 года в Смоленске издается журнал «Региональные исследования», учредителями которого являются Смоленский гуманитарный университет, Географический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова и Институт географии РАН

(г. Москва). Журнал выходит в свет 4 раза в год. Все номера журнала размещены на сайте Смоленского гуманитарного университета (<http://www.regis.shu.ru>). Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования и в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК. Все публикации в журнале, в том числе публикации аспирантов и студентов, осуществляются бесплатно.

В Республике Мордовия при Мордовском государственном университете им. Н.П. Огарева активно работает НИИ регионологии, являющийся организатором фундаментальных научных исследований по проблемам комплексного развития регионов и региональной политики РФ; выпускается журнал «Регионология», который публикует материалы о процессах, происходящих в отдельных регионах

Термин «регион» является одним из наиболее распространенных и многозначных в современных научных исследованиях. В зависимости от специфики, конкретных целей и задач той или иной научной дисциплины в содержании понятия «регион» делаются акценты на разных основаниях дефиниций: так, ученые-экономисты определяют регион по преимуществу как хозяйственно-экономическую общность; представители географической науки понимают под ним административно-территориальную единицу; в краеведении регион трактуется как историко-культурная область; в культурологии – как духовно-нравственное, культурно-цивилизационное пространство и т.д. Так, в монографии Г.А. Аванесовой и О.Н. Астафьевой социокультурный регион трактуется как «территория, отличающаяся от соседних областей существенными социокультурными характеристиками и процессами (стратификационным и национальным составом населения, традициями, этнолингвистическими особенностями, элементами образа жизни и т.п.)» [1, с. 105-106]. Базовыми предпосылками становления социокультурного региона выступают природно-климатические условия региона, его место в стране и мире, специфика этногенетических и этнических процессов на территории,

характер связей с другими регионами страны; системно-институциональная структура общества и др.

4.2 Теоретические основы и методологические проблемы культурной регионалистики

Возникновение региональной науки происходит в рамках экономико-географических исследований, направленных на изучение отдельных стран, регионов и территорий. Объективными причинами возросшего интереса к подобным исследованиям стала эпоха Великих географических открытий и последовавшее за ней бурное развитие капитализма, международной торговли, кардинально изменившее представления европейцев об окружающем их мире и ставшее началом территориального разделения труда и формирования мирового хозяйства. Теоретическое обоснование региональной науки как особой области знаний было дано в работе нидерландского географа Б. Варениуса «Всеобщая география» (1650 г.), в которой география впервые была разделена на общую (глобальную) и региональную.

Родоначальниками российской регионалистики считаются В.Н. Татищев (1686-1750) и М.В. Ломоносов (1711-1765), идеи которых получили дальнейшее развитие в трудах К.И. Арсеньева (1789-1865), Н.П. Огарёва (1813-1877), внесших значительный вклад в развитие региональной науки. Деятельность созданного в 1845 году Русского географического общества также способствовала исследованию новых территорий Российской империи.

Активизации данных исследований на рубеже XIX – XX веков была связана с бурным развитием капиталистических отношений в России, что требовало более детальных региональных исследований. В данный период особенно выделяются труды выдающегося русского ученого-географа, бессменного руководителя Русского географического общества П.П. Семенова-Тян-Шанского (1827–1914), которым был составлен 5-томный «Географическо-статистический словарь Российской империи», где соединены данные по

истории, природе, экономике России, а также капитальный труд «Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России», в котором было выделено 12 экономических областей европейской части России. Идеи ученого использовались в региональной науке и после Октябрьской революции.

В 1890-х гг. большой интерес к региональным исследованиям проявил выдающийся ученый и общественный деятель Д.И. Менделеев (1834–1907) – автор нескольких работ, положивших начало использованию математических расчетов в региональных исследованиях.

В советский период активное развитие регионалистики было связано с задачами хозяйственного развития страны, например, реализацией государственного плана электрификации России (ГОЭЛРО), разработанного в 1920 году. В СССР идеи «районной школы» экономической географии развивают Н.Н. Баранский, А.Г. Гранберг, Н.Н. Колосовский, Ю.Г. Саушкин, Н.Н. Некрасов.

В 1990-е годы в связи с переходом нашей страны к рыночной модели экономики существенно изменились подходы и к региональным исследованиям, при этом заметно сместились акценты от преимущественно экономических вопросов к решению региональных социальных, экологических, демографических проблем.

Что касается социокультурной регионалистики, то ее теоретическими основами стали концепции географического детерминизма Ф. Ратцеля, Л. Фробениуса, Ф. Гребнера, В.Г. Богораза-Тана в России и др., идеи культурного ландшафта Л.С. Берга и К. Зауэра – основоположников такого направления, как культурная география и др. Всплеск научного интереса к культурной составляющей пространственных явлений приходится на 90-е годы XX века, именно в эти годы появляются работы Ю.А. Веденина, Д.Н. Замятина, Н.Ю. Замятиной, В.Н. Калуцкова, В.Л. Каганского, Ю.Г. Симонова, В.Н. Стрелецкого, Р.Ф. Туровского и др.

Теоретические основы исследования региона как результата длительных и сложных этногенетических процессов были заложены также научными взглядами этнографов С.А. Арутюнова, Ю.В. Бромлея, Э.С. Маркаряна, Т.Н. Арцыбашевой, А.В. Шестаковой и др.

Значительный эмпирический материал для социокультурной регионалистики собран в рамках краеведения, в котором выделяются следующие направления: историческое, географическое, биологическое, литературное, этнографическое.

Однако именно культурологический аспект исследования региона как специфической части единого организма России остается пока мало разработанным: слабо разработана методология и понятийно-категориальный аппарат подобных исследований, отсутствуют фундаментальные работы, обобщающие и вводящие в широкий научный оборот огромный историко-культурный материал российских регионов и т.д. Следствием этого является недостаточная выявленность культурного своеобразия регионов России, их традиционных основ и инновационных черт.

Как отмечает Г.М. Казакова [3], методологическими проблемами современной культурной регионалистики являются следующие:

- 1) разрыв между детальными исследованиями конкретных процессов в отдельных регионах и теми обобщениями, которые относятся к модернизации в России «вообще» и не учитывают процесс регионализации;
- 2) доминирование исследований региона как фрагмента единого общероссийского социокультурного пространства, нежели как автономной самоорганизующейся системы;
- 3) ограниченное использование сравнительных возможностей;
- 4) ограниченность современных региональных исследований по преимуществу политическим, правовым и экономическим анализом, редкое применение междисциплинарного подхода к изучению региональной специфики;

- 5) акцентирование внимания на процессах трансформации российских регионов в перестроечный, постперестроечный и переходный периоды без учета предшествующей (советской и имперской) истории региона.

Все эти проблемы делают неэффективными процессы модернизации во всех сферах жизни региональных сообществ: социальной, политической, экономической, культурной.

4.3 Основные направления социокультурной регионалистики

Социокультурная регионалистика – активно развивающаяся в нашей стране в последние десятилетия область знания, в которой сегодня выделяются следующие **основные направления**:

- 1) *роль и место регионов в российском социокультурном пространстве*, например: Аванесова Г.А., Астафьева О.Н. «Социокультурное развитие регионов: механизмы самоорганизации и региональная политика» (Москва, 2004); докторская диссертация Дзякович Е.В. «Локальные идентичности в контексте социокультурной динамики российских регионов» (Москва, 2011);
- 2) *социокультурная специфика отдельных регионов*, например, докторская диссертация Ляпкиной Т.Ф. «Архитектоника культурного пространства Восточной Сибири (конец XVII-начало XX вв.)» (Санкт-Петербург, 2007); Казаковой Г.М. «Регион как субкультурный локус (на примере Южного Урала)» (Москва, 2009) и монография «Россия региональная: теоретико-методологические аспекты изучения» под редакцией Г.И. Зверевой (Москва, 2000), в которой рассматривается культура русского Севера, и др.;
- 3) *феномен региональной культуры, региональной идентичности и регионального самосознания*, например, докторские диссертации Мурзиной И.Я. «Феномен региональной культуры: бытие и самосознание» (Екатеринбург, 2003), Тихоновой А.Ю. «Уникальность

региональной культуры Среднего Поволжья в культурологическом измерении» (Саранск, 2007), Окунева Ю.П. «Динамика культуры русского Севера в условиях современных социальных трансформаций» (Москва, 2007) и др.;

- 4) *краеведение и проблемы краеведческого образования в регионах*, например, докторская диссертация Пирожкова Г.П. «Краеведческое образование как составляющая культурологической подготовки специалиста» (Краснодар, 2006);
- 5) *феномен провинции и провинциальной культуры*, например, докторская диссертация Купцовой И.А. «Динамика русской провинциальной культуры в условиях исторических трансформаций российской цивилизации» (Москва, 2011) и монография Купцовой И.А. «Динамика русской провинциальной культуры второй половины XIX – начала XXI вв.» (Москва, 2011) и др.;
- б) *региональная урбанистика*, например, докторские диссертации Скрипачевой И.А. «Современный город как социокультурная система» (Киров, 2010), Поповой Л.Д. «Сакральные основания культуры русского города (на материале Архангельска конца XVI – начала XX века)» (Санкт-Петербург, 2010); кандидатские диссертации: Черкасовой Ю.В. «Архитектурный образ города в культурно-историческом контексте (на примере г. Комсомольск-на-Амуре)» (Комсомольск-на-Амуре, 2012), Барабошиной Н. В. «Хронотоп малого города: Бузулук – культурное пограничье» (Саранск, 2013), основанная на материале оренбургского провинциального города, и др.;
- 7) *религиозная ситуация в регионе*, например, монографии Юнусовой А.Б. «Ислам в Башкортостане» (Уфа, 1999), Косача Г.Г. «Ислам в Оренбургской области» (Москва, 2008), сборники статей российских ученых «Религия и общество: Очерки религиозной жизни современной России» под редакцией С.Б. Филатова (Москва; Санкт-Петербург, 2002); «Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри» под редакцией

А. Малашенко и М.Б. Олкотт (Москва, 2001); «Ислам в Евразии: современные этические и эстетические концепции суннитского Ислама, их трансформация в массовом сознании и выражение в искусстве мусульманских народов России» (Москва, 2001) и др.

Особо следует остановиться на исследованиях Южно-Уральского региона, органической частью которого является Оренбургская область. Необходимо отметить, что к сегодняшнему дню сформировался определенный комплекс научных исследований, основу которого заложили как труды первых исследователей края (И.К. Кирилов, П.И. Рычков, В.Н. Татищев, П.С. Паллас, И.И. Лепехин, И.П. Фальк и др.), так и современные исследования географов, историков, этнографов, изучавших те или иные аспекты социокультурного развития региона в целом, а также отдельные явления региональной культуры (В.В. Амелин, Т.И. Герасименко, Г.П. Ким, М.Ф. Рахимкулова, В.Г. Семенов, А.В. Федорова, Л.И. Футорянский и др.). Результатом данных исследований стал значительный пласт этнографических и исторических работ, исследующих народы и культуры края, историю формирования полиэтничного состава населения, судьбы отдельных этнических сообществ. Однако исследование региона как своеобразной социокультурной модели в его культурологическом измерении находится пока еще на стадии накопления фактического материала, его осмысления и обобщения.

Оренбургскую регионалистику, в которой акцентируются по преимуществу этноконфессиональная компонента развития региона, следовало бы дополнить трудами монографического характера, исследующими культурологические аспекты данной темы и представляющими региональную культуру, с одной стороны, как уникальную, специфическую целостность, с другой – как феномен, выражающий типологические особенности российской цивилизации как предельно гетерогенного культурного образования.

Интерпретация богатейшего исторического материала, накопленного в локальной регионалистике, с позиций культурологической теории позволила бы сделать теоретические выводы и обобщения, преодолевающие

ограниченность частнонаучных подходов к проблемам формирования региональной культуры как основы межэтнического и межконфессионального согласия в регионе.

Вопросы семинара

1. Актуальность проблем культурной регионалистики. Понятие «социокультурный регион».
2. Теоретические основы и методологические проблемы социокультурной регионалистики.
3. Основные направления социокультурной регионалистики в современной гуманитарной науке.
4. Исследования Оренбургского региона как уникального социокультурного феномена.

Вопросы для самопроверки

1. С какими процессами связан научный интерес к проблемам социокультурной регионалистики?
2. Почему данное направление исследований имеет особую актуальность для нашей страны, для Оренбургского региона?
3. Как трактуется понятие «регион» в разных науках?
4. Что понимают российские авторы под социокультурным регионом?
5. Назовите предпосылки становления социокультурного региона.
6. В каких исследованиях были заложены теоретические основы современной регионалистики?
7. Каковы методологические проблемы современной социокультурной регионалистики?
8. Назовите основные направления социокультурной регионалистики в современной гуманитарной науке.
9. В каких работах осуществляется исследование региона как геокультурного и социокультурного пространства?

10. Кто из современных отечественных исследователей использует системно-синергетический подход к регионалистике?
11. В каких работах осуществляется исследование регионального самосознания и региональной идентичности как социокультурного механизма институциализации региона?
12. В каких работах объектом культурологических исследований становится региональная культура как форма самосознания региона?
13. Назовите работы, исследующие культуру Оренбуржья. Каковы их специфические особенности?
14. Какой из аспектов социокультурной регионалистики вам представляется наиболее интересным и перспективным?

Индивидуальные задания по теме

Задание 1. Подготовить сообщение на одну из тем (по выбору):

- Регион как субкультурный локус.
- Оренбургский регион как уникальный социокультурный феномен;
- Региональная культура как отражение цивилизационной специфики России.
- Город Оренбург в исследованиях местных авторов.
- Архитектурный образ города Оренбурга в культурологическом контексте.

Задание 2. Вспомните, что такое эссе как литературный жанр, выберите проблематику вас интересующую (из приведенных тем или близкую по смыслу) и напишите эссе.

- ✓ Моя «малая родина».
- ✓ Мой город.
- ✓ Мои впечатления о городе Оренбурге.
- ✓ Мой любимый город.
- ✓ Город и деревня в современной России.

Задание 3. Представить в графическом виде ментальную карту города Оренбурга.

Литература, рекомендуемая для изучения темы

1. Аванесова, Г.А. Социокультурное развитие регионов: механизмы самоорганизации и региональная политика / Г.А. Аванесова, О.Н. Астафьева. – М.: Изд-во РАГС, 2004. – 314 с.
2. Дзякович, Е.В. Локальные идентичности в контексте социокультурной динамики российских регионов: автореферат дисс. ...д-ра культур.: 24.00.01 / Е.В. Дзякович; Московский институт культуры и искусств. – М., 2011. – 45 с.
3. Казакова, Г.М. Регион как субкультурный локус (на примере Южного Урала): автореферат дисс. ...д-ра культур.: 24.00.01 / Г.М. Казакова; Московский государственный университет культуры и искусств. – Москва, 2009. – 20 с.
4. Купцова, И. А. Динамика русской провинциальной культуры второй половины XIX – начала XXI вв. / И.А. Купцова. – М.: РИЦ МГТУ, 2011. 316 с.
5. Мурзина, И.Я. Феномен региональной культуры: бытие и самосознание: автореферат дисс. ...д-ра культур.: 24.00.01 / И.Я. Мурзина; Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького. – Екатеринбург, 2003. – 46 с.
6. Мухамеджанова, Н.М. Межкультурная коммуникация: учебное пособие / Н.М. Мухамеджанова. – Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2010. – 174 с.
7. Мухамеджанова, Н.М. Особенности самоорганизации этнических культур России в условиях модернизационных преобразований / Н.М. Мухамеджанова. – Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2006. – 229 с.
8. Пирожков, Г.П. Краеведческое образование как составляющая культурологической подготовки специалиста: автореферат дисс. ...д-ра культур.: 24.00.01 / Г.П. Пирожков; Тамбовский филиал ФГОУ ВПО

«Московский государственный университет культуры и искусств. – Краснодар, 2006. – 38 с.

9. Симонян, Р.Х. От национально-государственных объединений к региональным (Проблемы мезоуровня в организации общественных систем) / Р.Х. Симонян // Вопросы философии. – 2005. – №3. – С. 20-28.
10. Тихонова А.Ю. Уникальность региональной культуры Среднего Поволжья в культурологическом измерении: автореферат дисс. ...д-ра культур.: 24.00.01 / А.Ю. Тихонова; Ульяновский государственный университет. – Саранск, 2007. – 36 с.
11. Цивилизационное развитие Оренбургского края: сборник статей научной конференции посвященной 300-летию со дня рождения устроителя Оренбургского края, первого члена-корреспондента РАН Петра Ивановича Рычкова, Оренбург, 26 октября 2012 г. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2012. – 820 с.
12. Этнокультурная мозаика Оренбуржья: научные статьи, очерки, статистика / гл. ред. В.В. Амелин. – 2-е изд., доп. – Оренбург: Южный Урал, 2003. – 228 с.

5 Социология культуры: изучение молодежных культур и субкультур в России

План

1. Осмысление феномена молодежной субкультуры в трудах представителей западной социологической мысли.
2. Российские ученые о сущности, причинах возникновения и типологии молодежных субкультур.

5.1 Осмысление феномена молодежной субкультуры в трудах представителей западной социологической мысли

Культура современного общества – сложная, многоуровневая, иерархически организованная и упорядоченная система, состоящая из огромного числа элементов. Она включает в себя некую ценностную доминанту – «ядро» культуры, определяющее ее самобытность, и элементы периферийные, неустойчивые, локальные, определяющие ее вариативность, разнообразие, динамичность. Одним из таких периферийных элементов культуры являются многочисленные субкультурные образования, связанные с определенным уровнем развития культуры, с ее внутренней социальной дифференциацией. Что же такое субкультура?

Суб (от лат. sub – «под») – приставка, содержащая смысловой оттенок подчинения и выражающая отношение части к целому. Поэтому субкультура – это подсистема единой целостной системы культуры общества. В современной культурологии субкультура трактуется как **специфическая форма культуры, основанная на локальных ценностях определенной социальной группы или общности** [13, с. 371].

Почему возникает такая специфическая форма культуры? Это явление обусловлено тем, что культура любого общества – многообразное и богатейшее явление, а процесс усвоения и освоения индивидом культурных стандартов и образцов, адаптация к требованиям культуры – сложный и противоречивый процесс, насыщенный разными проблемами и трудностями. В силу этого каждая общность, класс, группа осваивает в господствующей культуре только то, что соответствует ее потребностям и интересам. А значит, каждая группа, слой, класс создает свою специфическую субкультуру.

Таким образом, субкультура – это часть культуры общества, выделяемая по каким-либо социальным основаниям: возрастному (детская, молодежная субкультура), поселенческому (городская и сельская), классовому

(крестьянская, пролетарская), профессиональному (воинская, педагогическая), по месту в социальной структуре (криминальная, маргинальная) и др.

В научный оборот понятие «субкультура» было введено американским культурологом, философом, социологом Д. Рисменом, который считал, что это понятие позволяет дать более четкое представление о социальной дифференциации культуры, раскрыть динамику культуры, особенности интерпретации и отбора культурного наследия в различные исторические эпохи. Однако этот термин не получил широкого распространения вплоть до 60-х годов XX века, когда в западных культурах разворачивается движение «новых левых», выразивших активный протест молодежи, прежде всего студенчества, против ценностей и образа жизни современного потребительского общества.

Субкультура становится предметом исследования в работах Майкла Гордона, Умберто Эко, Майкла Брейка и др. Однако до сегодняшнего дня в западной литературе нет общепринятого определения понятия «субкультура», не существует единой точки зрения на природу субкультур и причины их появления, на различия субкультуры и контркультуры.

Всех западных исследователей, изучающих феномен субкультуры, условно можно разделить на **четыре группы**.

Представители *первой группы* (например, Людвиг Фойер) считают, что причинами появления субкультур является конфликт, который возник между поколениями в последней четверти XX века и который является универсальной движущей силой во все исторические эпохи. По своей сути это конфликт культурных образцов, норм поведения и базовых ценностей. Из этого следует вывод, субкультура и контркультура – тождественные понятия.

Представители *второй группы* (например, Джордж Маклейн) считают, что появление субкультур связано с осознанием людьми, принадлежащими к одной социальной группе, общности своих интересов, потребностей, переживаний. Наиболее ярко эта общность проявляется в молодежной среде, поэтому носителями ценностей субкультур выступают молодые люди.

Субкультура молодежи и субкультура взрослых противостоят друг другу, потому что молодежь является носителем прогрессивного, инновационного начала, а для старшего поколения свойствен консерватизм.

Третья группа авторов (в основном это ученые Центра по исследованию современной культуры при Бирмингемском университете) считает, что субкультуры носят исторический характер и возникают на стадии формирования структур постиндустриального общества. Объективными предпосылками их возникновения выступают: увеличение периода подготовки молодого поколения к труду, расширение сферы свободного времени, возникновение индустрии развлечений, развитие СМИ, которые становятся важнейшим фактором формирования и развития личности.

Четвертая группа авторов связывает возникновение субкультур с кризисными процессами в западных обществах после II мировой войны, следствием которых стало разочарование в идеалах буржуазной демократии, падение доверия к институтам государственной власти, падение авторитета церкви, семьи и т.д.

По-разному оценивают западные социологи и ту роль, которую играют субкультуры в современном обществе. Так, К. Мангейм дает сугубо *отрицательную оценку* молодежным субкультурам, которые, на его взгляд, свидетельствуют о величине деструктивного потенциала маргинальных общностей, о неспособности молодежи адаптироваться к той культуре, которая сложилась в современном западном обществе.

Другие авторы (например, канадские исследователи Эдвард Тирьякьян и Люсьен Марсиль-Локост, американский исследователь Сеймур Типтон, английский социолог Питер Уилли и др.) считают, что в условиях кризиса западной культуры, торжества масскульты и коммерциализации культуры, только субкультуры, особенно молодежные, способны дать новый импульс умирающей культуре Запада, предложить ему новую систему ценностей, создать новые стили, направления, алгоритмы творческой деятельности.

К проблеме молодежных субкультур обратился К. Мангейм в своей работе «Диагноз нашего времени». Ученый показал, что именно в молодежной среде возникают новые моральные императивы и эстетические нормы, которые со временем становятся достоянием всего общества. Поэтому общество, не способное использовать инновационный потенциал, существующий в молодежной среде, обречено на стагнацию. Позднее Т. Парсонс доказывает, что наличие молодежных субкультур позволяет решить проблему эмоциональной устойчивости молодого поколения, а также получить определенный пласт знаний и навыков. С точки зрения Т. Розака, молодежная субкультура может быть отождествлена с контркультурой, так как ее ценности и ценности традиционной культуры отрицают друг друга. Другой западный исследователь Л. Хаузер считает молодежные субкультуры своеобразной формой становления мировоззрения молодежи [17, с. 293-297].

5.2 Российские ученые о сущности, причинах возникновения и типологии молодежных субкультур

В отечественной социологии культуры феномен молодежных субкультур стал изучаться значительно позже, чем в западной науке. Это было связано с рядом объективных причин. Во-первых, в социалистическом обществе любые проявления молодежной активности воспринимались как девиации, а следовательно, изучались не социологами или культурологами, а специалистами по девиации. Во-вторых, отношения поколений в советском обществе не имело характера конфликта, как это было на Западе уже в 50-е годы XX века. Это может быть объяснено тем, что советское общество по своим социокультурным характеристикам даже в конце XX века оставалось типичным примером традиционного общества. В-третьих, молодежные субкультуры были слабо представлены в СССР и не оказывали серьезного влияния на процессы, происходящие в обществе в целом. Те редкие проявления

инновационной молодежной активности, которые появлялись в нашей стране, как правило, обозначались термином «неформальные объединения молодежи» («неформалы»). Только в середине 80-х годов вместе с появлением хиппи, панков, кришнаитов, люберов, байкеров и т.п. в российской социологии появились работы, исследующие молодежные субкультуры. Это работы И.В. Бестужева-Лады, П.С. Гуревича, Ю.Н. Давыдова и И.Б. Роднянской, С.Н. Иконниковой, И.С. Кона, К.Б. Мяло, а после 90-х годов – работы И.А. Бутенко, Л.И. Михайловой, А.А. Оганова и И.Г. Хангельдиевой, З.В. Сикевич, А.И. Шендрика, Т.Б. Щепаньской и др. Проблемы молодежной культуры в эти годы активно разрабатываются в Московском институте молодежи (ныне – Московский гуманитарный университет). Так, профессором данного института, доктором социологических наук А.И. Шендриком в учебном пособии «Социология культуры» дается обстоятельный анализ западных и отечественных концепций молодежной субкультуры, выявляются причины появления и типологические особенности молодежных субкультур, их роль в жизни современного общества, а также анализируются особенности конкретных субкультур, получивших наибольшее распространение в западных обществах второй половина XX – начала XXI века [см. 17, раздел III, главы 2-5]. К сегодняшнему дню сложилась отечественная концепция молодежной субкультуры, которая отличается от взгляда западных социологов на эту проблему.

Отечественные ученые трактуют молодежные субкультуры как феномен современной культуры, не характерный для традиционных обществ. В традиционном обществе молодежь отсутствует как социальная группа, отличающаяся по своим мировоззренческим установкам и ценностям от поколения «отцов», а доминирующим типом социального наследования является постфигуративный тип (М. Мид), когда молодежь учится у стариков. Молодежь как социально-демографическая группа появляется сравнительно недавно в связи с теми процессами, которые характеризуют современное общество:

- высокий уровень материально-технического развития общества и как следствие – возможность отказаться от привлечения молодежи к производственной деятельности;
- появление сложной техники, которое привело к увеличению срока подготовки молодого человека к самостоятельной трудовой деятельности;
- кризисные процессы в западном обществе и, как следствие, разочарование молодежи в идеалах того общества, который возносился буржуазными идеологами как образец совершенства;
- развитие техники и средств массовой информации, что дало современной молодежи большие возможности для развития и реализации своего творческого потенциала, для создания артефактов, соответствующим ее нравственным и эстетическим представлениям [17, с. 318-320].

По мнению известного российского социолога культуры А.И. Шендрика, «субкультуры складываются там, где есть

- а) единство интересов индивидов, принадлежащих к данной общности;
- б) осознание этих интересов членами данной общности, а также отличия данных интересов от интересов других социальных общностей;
- в) определенная система ценностей и норм, отличная от системы ценностей и норм, принятых в данном обществе, которая поддерживается усилиями государственной пропагандистской машины и одобряется общественным мнением;
- г) система идентификации, позволяющая отличать «своих» от «чужих»;
- д) лидеры, идеологи и организаторы, регулирующие деятельность рядовых членов данного сообщества» [17, с. 306-307].

Росту числа молодежных субкультур способствует также осознание кризисной ситуации в обществе, ослабление социального контроля и эффективности деятельности тех социальных институтов, которые отвечают за социализацию молодежи.

Субкультуры не относятся к силу тех образований, которые существуют в обществе неопределенно долгое время. Периоды возникновения и исчезновения молодежных субкультур обычно совпадают с поколенческими циклами. Препятствуют возникновению и развитию субкультур негативное отношение к ним значительной части общества, в результате чего складывается целая система репрессивных мер, направленная на подавление активности членов данной субкультуры.

Молодежные субкультуры трактуются российскими культурологами как механизм самоопределения и социализации личности, способ самоутверждения, реализации творческого потенциала. С позиций российских ученых, молодежные субкультуры выполняют следующие функции:

- 1) функцию социализации личности, поскольку молодежные субкультуры выступают как механизм социализации молодежи, вступающей в трудный переходный возраст, когда молодые люди ищут способы адаптации к социальной реальности через комплекс собственных ценностей, норм поведения, установок [13, с. 250];
- 2) функцию самореализации, то есть субъектного воплощения своих взглядов, целей и ценностей;
- 3) инструментальную функцию, когда молодежная субгруппа становится инструментом достижения определенных целей и результатов деятельности;
- 4) компенсаторную функцию, связанную с осознанием молодыми людьми личной зависимости и несвободы от официальных структур и их стремлением обрести независимость в неформальных группах;
- 5) креативную, эвристическую функцию, которая выражает нравственные и эстетические устремления молодежи и реализуется в творческой, социокультурной деятельности [10, с. 130].

Молодежные субкультуры – результат процессов самоорганизации молодежных сообществ в современном индустриальном и постиндустриальном

обществе. В отличие от других – профессиональных, классовых и пр. субкультур, они обладают следующими специфическими **особенностями**:

- наличие своей системы ценностей, норм, символов, знаков, которые позволяют отличать «своих» от «чужих»;
- особая эстетика, которая проявляется в игровой форме, театрализации, импровизационности деятельности молодых людей. При этом главным компонентом такой эстетики является музыка, как правило, в каких-либо нетрадиционных, инновационных формах (рок, панк и др.);
- демонстративно-эпатажная манера поведения, особый стиль в поведении, одежде, прическах, аксессуарах;
- наличие особого языка молодежной группы – сленга;
- наличие ярко выраженной контркультурной компоненты;
- тяготение к вненациональным и неидеологизированным формам культуры, космополитичность, слабая связь с народной культурой;
- мозаичность, недолговечность [13, с. 248-250; 17, с. 322-323].

Молодежные субкультуры – это достаточно закрытые системы. Доступ в них возможен только для тех, кто владеет сленгом данной субкультуры, знает историю, нормы и правила общения в группе; знаком со сложившимися ритуалами, понимает смысл символов, используемых членами группы, прошел процедуру инициации.

Классификации таких молодежных групп и неформальных движений молодежи осуществляются российскими учеными по разным основаниям. Их разделяют на любительские и неформальные, официальные и альтернативные, по социально-правовому признаку, по направленности интересов и т.д. Так, по социально-правовому основанию Л.И. Михайлова выделяет субкультуры:

- 1) социально-активные, *просоциальные* группы, характеризующиеся позитивной направленностью деятельности (например, группы экологической защиты);

2) социально-пассивные, *асоциальные* группы, занимающие нейтральную позицию по отношению к социальным проблемам и процессам (спортивные и музыкальные фанаты, панки, хиппи);

3) *антисоциальные* группы, деятельность которых имеет социально негативную направленность [10, с. 130].

Особый интерес представляет классификация молодежных субкультур и движений по направленности интересов, предложенная М. Топаловым и выделяющая следующие группы:

- увлеченные современной молодежной музыкой (любители рока, «диско», брейк-данса, металлисты, панки и т.д.);
- увлекающиеся определенными видами техники (рокеры);
- направленные на правопорядковую деятельность (люберы, афганцы);
- увлеченные определенными видами спорта (атлеты, люберы, силовики);
- околоспортивные группы (спортивные фанаты);
- философско-мистические (хиппи, кришнаиты и пр.);
- экологокультурные группы (защитники окружающей среды: природы, памятников культуры и т.п.) [11, с. 21].

В работе З.В. Сикевич дается классификация неформальных молодежных движений на основе признака, которым определяется причастность молодого человека к группе. Так, она может быть связана:

- со способом времяпрепровождения (металлисты, спортивные и музыкальные фанаты, люберы и т.п.);
- с социальной позицией (различные экологокультурные группы);
- с образом жизни (религиозные братства, пипл, хайрасты и т.п.);
- с альтернативным творчеством (непризнанные в официальной культуре художники, скульпторы, актеры, музыканты и т.п.) [15, с. 98].

Поскольку феномен субкультуры часто оказывается тесно связанным с различными формами девиантного поведения, то определенный интерес представляет типология молодежных субкультур по признаку девиантности, которую предлагают А.А. Оганов и И.Г. Хангельдиева, основываясь на работах

западного ученого М. Брейка. Данная типология выделяет четыре основных типа молодежных субкультур:

- 1) нормальная молодежная группа, которая не нуждается в субкультуре для решения своих личных и социальных проблем;
- 2) деликвентная группа, объединяющая молодых людей, потенциально способных совершить противоправное действие (акты вандализма, драки, мелкие кражи и т.п.);
- 3) культурные бунтари – поклонники искусства, сочувствующие богеме, но не принадлежащие к художественному и артистическому миру;
- 4) политически активная молодежь, включающая в себя молодежь самых разных политических взглядов и предпочтений [13, с. 250-251].

В типологии известного российского культуролога Н.Г. Багдасарьян выделяются три основные молодежные субкультуры:

- 1) «мажоры» – современная «золотая молодежь», ориентированная на «красивую жизнь» и легкое добывание денег (в СССР так называли, как правило, детей партийной номенклатуры);
- 2) «яппи» («неояппи») – молодые люди, ориентированные на материальный достаток и успешную карьеру в престижных видах деятельности: предпринимательской, банковской, юридической и пр.;
- 3) «люберы» («гопники») – группа, характеризующаяся жестокой дисциплиной, агрессивностью, связью с криминальным миром [7, с. 85-86].

В силу того, что многие молодежные субкультуры обладают ярко выраженной контркультурной компонентой, в науке часто понятия «субкультура» и «контркультура» отождествляются. Особенно это характерно для западной науки, поскольку молодежные субкультуры, наиболее активно заявившие о себе в странах Европы в **60-е годы XX века**, выступали против образа жизни и ценностей старшего поколения, против официальной культуры западных обществ, переживающих в это время кризисные процессы во всех сферах общественной жизни. Однако понятия «субкультура» и «контркультура» являются близкими по смыслу, но не тождественными

понятиями. Под контркультурой понимается совокупность фундаментальных ценностных установок и принципов, противопоставленных официальной господствующей культуре. Субкультура же не обязательно может включать в себя протестный потенциал. Она в большей или меньшей степени лояльна по отношению к господствующей официальной культуре.

Однако субкультура может со временем трансформироваться в контркультуру, когда локальные ценности определенной социальной группы или общности начинают претендовать на универсальность, или, по определению Л.Г. Ионина, происходит тотализация культурного стиля определенной группы [5, с. 196-200]. В качестве примера такой тотализации культурного стиля группы может быть названо утверждение христианской религии в Римской империи. Вместе с тем, молодежные субкультуры, выступая в форме самокритики общества, его проблем и социальных пороков, могут выступать как механизм обновления общества, трансформации его ценностных установок, как это произошло в западноевропейских странах в результате молодежных движений 60-х годов XX века.

Вопросы семинара

1. Исследование молодежных субкультур в трудах представителей западной социологической мысли.
2. Российские ученые о сущности, причинах возникновения и типологии молодежных субкультур.
3. Современный взгляд на природу, генезис и функции молодежных субкультур.
4. Особенности становления, функционирования молодежных субкультур в России.

Вопросы для самопроверки

1. В какие годы в западной социогуманитарной науке стала особенно активно разрабатываться проблема молодежных субкультур?

2. С какими процессами в западных обществах связан всплеск интереса к данной проблеме?
3. Назовите западных ученых-гуманитариев, внесший наибольший вклад в осмысление этой темы?
4. Кто из западных ученых считается главным теоретиком контркультуры?
5. Почему в российском обществе эта тема стала активно разрабатываться только в 1990-е годы?
6. В трудах каких представителей отечественной социологической мысли осуществляется исследование молодежных субкультур?
7. Как рассматриваются отечественными учеными вопросы о причинах возникновения, специфике и типологии молодежных субкультур?
8. В чем специфика современного взгляда на природу, функции и генезис молодежных субкультур?
9. Чем трактовка российских ученых феномена молодежных субкультур отличается от точки зрения западных исследователей?
10. В чем вы видите причину таких различий?
11. Каковы особенности становления, функционирования молодежных субкультур в России?
12. В каких работах отечественных авторов осуществляется исследование феномена и культуры детства?
13. С какими процессами связана активизация интереса российских ученых к массовой, визуальной, экранной культуре в их связи с проблемами молодежных субкультур?
14. Назовите исследователей, рассматривающих данные проблемы в современной российской культуре.

Индивидуальные задания по теме

Задание 1. Прочитать одну из статей, указанных в списке литературы, и подготовить сообщение по содержанию данной статьи (по выбору):

Литература, рекомендуемая для изучения темы

1. Гаврилюк, В.В. Гопники как феномен в среде молодежи / В.В. Гаврилюк // Социологические исследования. – 2010. – №1. – С. 126-131.
2. Гуревич, П.С. Культурология: учебное пособие / П.С. Гуревич. – М., 1996. – С.153-169.
3. Давыдов, Ю.Н. Социология контркультуры. Критический анализ // Ю.Н. Давыдов, И.Б. Роднянская. – М.: Наука, 1980. – 264 с.
4. Ильин, А.Н. Массовая культура и субкультура / А.Н. Ильин // Социологические исследования. – 2010. – №2. – С. 69-75.
5. Ионин Л.Г. Социология культуры: учебное пособие для студентов вузов / Л.Г. Ионин. – М.: Логос, 1996. – 289 с.
6. Киселев, С.В. Знаково-психологические мотивы граффити в молодежной субкультуре / С.В. Киселев // Социологические исследования. – 2005. – №9. – С. 113-115.
7. Культурология: учебник для студентов технических вузов / под ред. Н.Г. Багдасарьян. – М., 1999. – 511 с.
8. Латышева, Т.В. Феномен молодежной субкультуры: сущность, типы / Т.В. Латышева // Социологические исследования. – 2010. – №6. – С. 93-101.
9. Левикова, С.И. О готах, готике и больном российском обществе / С.И. Левикова // Общественные науки и современность. – 2006. – №4. – С. 155-165.
10. Михайлова, Л.И. Социология культуры: учебное пособие / Л.И. Михайлова. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. – 232 с.
11. Молодежная культура: Молодежь и проблемы современной художественной культуры: сб. науч. тр. / ред.-сост. С.Н. Добротворский [и др.]. – Л.: ЛГИТМИК, 1990. – 147 с.
12. Мяло, К. Г. Под знаменем бунта (Очерки по истории и психологии молодежного протеста 1950-1970-х гг.) / К.Г. Мяло. – М.: Молодая гвардия, 1985. – 211 с. – Режим доступа:

http://platona.net/load/knigi_po_filosofii/politologija/mjalo_k_g_pod_znamene_m_bunta/21-1-0-2330 (дата обращения: 02.05.2018).

13. Оганов, А.А. Теория культуры: учебное пособие для вузов / А.А. Оганов, И.Г. Хангельдиева. – М.: ФАИР_ПРЕСС, 2001. – 284 с.
14. Поляков, Р.Ю. Казарменная субкультура курсантов // Социологические исследования. – 2009. – №12. – С. 117-120.
15. Сикевич, З.В. Молодежная культура: «за» и «против». Заметки социолога / З.В. Сикевич. – Л.: Лениздат, 1990. – 204 с.
16. Скородумова, О.Б. Хакеры как феномен информационного пространства // Социологические исследования. – 2004. – №2. – С. 70-79.
17. Шендрик, А.И. Социология культуры: учебное пособие / А.И. Шендрик. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – 495 с.

6 Изучение культуры повседневности в России 1990-2000-х годов

План

1. Новый поворот в гуманитарных науках.
2. Определение повседневности. Характеристики повседневности.
3. Теоретические основания исследования культуры повседневности в работах западных мыслителей.
4. Исследование культуры повседневности в работах отечественных ученых.

6.1 Новый поворот в гуманитарных науках

С позиций известного польского социолога П. Штомпки [15], в конце XX – начале XXI в социологии, в частности в социологии культуры, совершается методологический поворот на качественное исследование повседневной жизни, который находит свое выражение в двух особенностях:

1) поворот к темам, которые еще совсем недавно считались «ненаучными»: еда, покупки, здоровье, поездки в такси и т.п.;

2) поворот от массовых количественных опросов, десятки лет доминировавших в социологических исследованиях, к более качественным подходам: глубинные интервью, наблюдение, кейс-стади, изучение «эго-документов»: писем, семейных фото, дневников, то есть личных свидетельств пережитого опыта жизни.

Таким образом, социология повернула от абстрактного уровня макросоциальных проблем к уровню повседневных взаимодействий людей. Все эти изменения, по мысли П. Штомпки, свидетельствуют о рождении «третьей социологии». Если «первая социология» занималась изучением социальных целостностей: организмов, систем, формаций (О. Конт, Г. Спенсер, К. Маркс, Т. Парсонс), «вторая социология» – изучением социальных «атомов» – действий, смыслов, текстов и т.п. (М. Вебер, Г. Мид, К. Леви-Стросс и другие), то «третья социология» – это социология социальной экзистенции (социального существования). Ее главным объектом становится реальные события, практики, факты, составляющие повседневную жизнь людей.

Истоками «третьей социологии», по мнению ученого, стали, во-первых, внутренние интеллектуальные процессы развития в социологии: усталость, разочарование в прежних идеях, теориях, концепциях и их критика; во-вторых, изменения в самой социальной жизни, которые не поддаются описанию при помощи прежних подходов.

Теоретической основой «третьей социологии» стали *три направления* социологической мысли:

1) драматургическая теория И. Гофмана, этнометодология Г. Гарфинкеля, феноменологический подход А. Шютца, П. Бергера и Т. Лукмана;

2) постмодернистская критика абстрактных социологических систем прежней социологии, не способной объяснить такие новые черты современного общества, как глобализация, хаос, случайность, риск, спонтанные проявления, телесные практики, саморефлективные и эмоциональные характеристики и т.п.;

3) феминистская теория, изучающая проблемы женщин в контексте повседневной жизни.

Оценивая перспективы новой социологии, П. Штомпка пишет: «Социология повседневной жизни – не новая дисциплина или раздел социологии. Скорее, это новая перспектива, угол зрения, позволяющий видеть все проблемы социологии в новом свете. Она не заменяет первую и вторую социологию. ...Социология повседневной жизни предлагает добавить изучение социальных событий на самом реальном, очевидном и банальном уровне повседневной жизни к анализу комплексных абстракций, социальных систем, структур, социальных действий. Она претендует на то, что такие абстракции воплощены и реализованы в эпизодах повседневной жизни. И поэтому их лучше всего рассматривать, наблюдать, фиксировать именно здесь. Именно здесь мы найдем социальное неравенство, классы, власть, глобализацию, идентичность, модернизацию, цивилизационные процессы и все другие проблемы, важные для социологии. И особенно привлекательным делает такое изучение то, что большая часть социальной жизни на этом уровне видима, наблюдаема, а поэтому может открыться привлекательным и продуктивным визуальным техническим средствам, включая фотографию... Социология повседневной жизни дает перспективный подход к непознанным тайнам социальной экзистенции» [15, с. 12].

6.2 Определение повседневности. Характеристики повседневности

Следует отметить, что **поворот** к исследованию разных аспектов повседневности на рубеже веков характерен не только для социологии, но и для других гуманитарных наук: истории, философии, культурологии. Однако в рамках разных наук феномен повседневности получает разные трактовки и интерпретации:

1. В социологической науке повседневность трактуется *форма усредненного общественного мнения*, которое может быть измерено посредством репрезентативных опросов.

2. Повседневность как психологический феномен есть *набор неизменных, типичных поведенческих реакций на изменяющееся окружение*.

3. В социально-антропологической трактовке повседневность – это *кумулятивный опыт группы, сложившийся в ходе решения стандартных проблем в контексте проживания повторяющихся однотипных ситуаций*.

4. Повседневность в когнитивно-социологическом аспекте выступает как *социальное использование результатов культурного творчества*.

5. В *методологическом плане* повседневность – это статичный образ мира, в котором искусственно приостановлены все инновационные, креативные, творческие процессы и выделяются исключительно стабильные основания жизнедеятельности человека, не подвергаемые сомнению (традиции, стереотипы, ритуалы и т.д.) [11, с. 12-13].

6. В *культурологической науке* повседневность – это мир ценностей и смыслов неспециализированных областей культуры [10, с. 8].

В качестве основных *характеристик повседневности* называются следующие:

- безусловная *необходимость* для каждого человека уделять большее или меньшее внимание повседневным заботам; их *безальтернативность* для ума и души; *неизбежность* совершения тех или иных поступков, действий;
- *повторяемость, цикличность, ритмичность* времени и событийного наполнения существования человека;
- *замкнутость* типичных пространств повседневности; *частичная герметичность* и *частичная проницаемость* для информационных влияний со стороны специализированных сфер культуры;

- *консервативность* обыденных начал жизни и культуры; их устойчивость к сильным возмущениям со стороны «верхних этажей» жизни и культуры;
- *усредненность*, принципиальная общедоступность повседневных задач, знаний и способов деятельности; *взаимозаменяемость их субъектов*;
- *массовидность* распространения обыденных феноменов, *обезличенность* событий и артефактов ежедневного бытия;
- *отнесенность к частной жизни*, к той сфере времени и пространства, которая *свободна* от общественных, служебных и других *внешних обязанностей*; нечто, противостоящее официальному, публичному, институционализированному [11, с. 15-17].

Антропологический тип мира повседневности представляют такие фигуры, как:

- в бытовой сфере – *домохозяин и его чада и домочадцы*;
- вне быта – *обыватель* как законопослушный гражданин, член общества, работник, налогоплательщик, обитатель дома и т.д.;
- на участках специализации, уподобленных быту, – *исполнитель*, повинующийся чужой воле и использующий готовые методики решения поставленных задач [11, с. 18].

Противостоят обывателю такие антропологические фигуры, как специалист-профессионал; тип сакральной, харизматической личности (вожди, шаманы, жрецы, герои, аристократы и пр.); фигура «свободного художника» – искателя приключений, авантюриста, представителя богемы; «деклассированные элементы» – маргиналы, отшельники, люмпены, отщепенцы и т.д. [11, с. 19].

Противостоят повседневности такие сферы человеческого опыта, как религия, игра, сон, научное теоретизирование, праздник, художественное творчество, мир душевной болезни и т.д. В отличие от повседневности эти области существования:

- являются предметом *добровольного выбора*;

- отличаются относительной *редкостью* для большинства, *временностью*; *случайностью*, *неопределенностью*, даже хаотичностью, *непредсказуемостью* своих перспектив;
- отличаются *эмоционально-волевой напряженностью* (вплоть до испуга и восторга);
- требуют от вовлеченного в них человека *особой квалификации* профессионального уровня и определенной *доли творчества*, новаторства, личностного самовыражения, а потому и явного *риска* (потерпеть неудачу, пожертвовать здоровьем, жизнью и пр.) [11, с. 19-20].

6.3 Теоретические основания исследования культуры повседневности в работах западных мыслителей

В западной философской литературе существует давняя традиция исследования феномена повседневности. Так, у Г. Зиммеля, М. Хайдеггера, Г. Маркузе феномен повседневности получает преимущественно негативную оценку как неаутентичная форма существования, рутинная деятельность, противопоставленная творческой сущности культуры. Однако такие авторы, как А. Лефевр, А. Хеллер, Э. Гуссерель придерживаются позиции реабилитации повседневности, выступающей как посредник между миром природы и культуры в человеческой жизни. Однако история повседневности как самостоятельное междисциплинарное направление в гуманитарной науке возникает только во второй половине XX века.

Интерес к изучению повседневности возникает в рамках исторической науки еще во второй половине XIX века, когда создаются многочисленные труды, описывающие быт и нравы различных народов мира, этнических и социальных групп. Изменение подходов к исследованию повседневности как особой сферы человеческого бытия связано с французской школой «Анналов», представленной такими именами, как М. Блок, Л. Февр, Ж. Ле Гофф, Ж. Дюби и др. Однако наиболее известным ее представителем был Ф. Бродель,

исследовавший различные стороны повседневной жизни позднего средневековья и раннего Нового времени – как в Европе, так и за ее пределами.

В 80-е годы XX века формируется особая отрасль исторической науки – история повседневности, центрами развития которой стали, прежде всего, Германия и Франция. Главной особенностью данного направления становится отказ от попыток построения неких обобщающих моделей исторического процесса и сосредоточение исследовательского интереса на проблемах человеческого мышления, переживаний, поведения людей определенной исторической эпохи. Главным предметом изучения становится человек в истории.

Наиболее полно и последовательно методология изучения повседневности разрабатывалась в социологии. Именно социолог А. Шюц стал главным теоретиком повседневности. А. Шюц определяет повседневность как «конечную область значений» (наряду с религией, игрой, научным теоретизированием, душевной болезнью), верховенство которой определяется следующими ее характеристиками: активной трудовой деятельностью, ероче естественной установки, т.е. воздержанием от всякого сомнения в существовании мира и в том, что этот мир именно такой, каким он представляется индивиду; напряженным отношением к жизни; специфическим восприятием времени; личностной определенностью индивида; особой формой социальности – типизированным миром социального действия и коммуникации [16, 17].

Позднее феноменологическая трактовка повседневности была развита его последователями, в частности П. Бергером и Т. Лукманом [см. 3]. Еще дальше в реализации феноменологического подхода к анализу повседневности идет этнометодология Г. Гарфинкеля, который рассматривает конструирование мира повседневности как процесс, состоящий в интерпретационной деятельности самих участников повседневных взаимодействий.

Таким образом, история изучения повседневности постепенно развивается от чисто «описательных исследований быта к концептуальному

обобщению явлений и выявлению их связи с другими сферами культуры и человеческого бытия» [10, с. 24]. На современном этапе данное направление включает огромный корпус различных теорий, концепций, методов, исследующих различные аспекты обыденной жизни в их взаимосвязи с социокультурными явлениями и процессами.

6.4 Исследование культуры повседневности в работах отечественных ученых

В российской гуманитарной науке исследование культуры повседневности находится пока на стадии становления, хотя в ней также существует огромное число работ, описывающих быт, нравы, привычки и обряды народов России и мира (начиная с Забелина И.Е. и Костомарова Н.И. и заканчивая целой серией книг под названием «Популярная историческая библиотека», выпускаемой издательством «Русич» в Смоленске). Однако большая часть этих работ отражает вопросы истории повседневной культуры, носят описательный характер и представляют собой зарисовки быта и нравов народа. Между тем вопросы теории и методологии изучения повседневной культуры в российской гуманитарной науке оказываются слабо разработанными.

Как правило, теоретико-методологическое осмысление культуры повседневности «сводится к общей характеристике мира повседневности, либо изложение теоретических вопросов подменяется авторской трактовкой повседневности, возможно, оригинальной и убедительной, но все же неизбежно односторонней. Тем самым анализ процессов смыслообразования повседневной культуры уступает место изучению корпуса фактов, намечающих логику ее исторической эволюции» [10, с. 6]. Это замечание может быть отнесено как к научным работам по культуре повседневности, так и к содержанию большинства учебных пособий, созданных российскими авторами [см. 6].

Таким образом, по мнению М.В. Капкан, российская культурология нуждается в концептуализации повседневности, в разработке особых исследовательских процедур и языка описания при исследовании повседневной культуры. Тем не менее, в современных исследованиях культуры повседневности в России с большой долей условности можно выделить несколько «сквозных» тем, рассматриваемых российскими культурологами:

- 1) теория и методология изучения культуры повседневности (Л.Д. Гудков, И.Т. Касавин, Е.В. Золотухина-Аболина, Л.Г. Ионин, М.В. Капкан, Н.Н. Козлова, Н.Л. Новикова, Н.Л. Пушкарева, С.П. Щавелев);
- 2) история повседневной культуры (Л.Б. Брусиловская, Т.С. Георгиева, Е. Глаголева, М.И. Козьякова, В.Д. Лелеко, Н. Лебина, Ю.М. Лотман, А.В. Терещенко, А.Л. Ястребицкая);
- 3) пространственно-временные характеристики повседневности – хронотоп повседневности (В.С. Грехнев, А.А. Зализняк, В.Д. Лелеко, О. Паченков, Н.И. Толстой, Е.Г. Трубина, А.Д. Шмелев);
- 4) вещный мир повседневной культуры (Л. Безмоздин, В.Б. Голофаст, М.С. Каган, Г.С. Кнабе, Е. Мельникова-Григорьева, А.Г. Погоняйло, В.С. Шацков);
- 5) телесность и телесные практики повседневной культуры (С.А. Азаренко, М.М. Бахтин, И.М. Быховская, Г.И. Кабакова, В.Д. Лелеко, М.Е. Мазалова, В. Подорога);
- 6) одежда и костюм в повседневной культуре (С.Б. Адоньева, П. Богатырев, И.М. Быховская, А.Б. Гофман, Р.М. Кирсанова, И.С. Кон, Ж. Липовецкий, В. Подорога, С.М. Толстая);
- 7) гастрономическая культура (Л. Алябьева, М.В. Загидуллина, О. Запорожец, М.В. Капкан, О. Кобрина);
- 8) эмоции и чувства в повседневной культуре (С. Воркачев, М.В. Капкан, В.Д. Лелеко, Е.Н. Шапинская).

Таким образом, в истории изучения повседневной культуры в российской социогуманитарной науке так же, как и в западной науке, осуществляется

постепенный методологический «поворот» от изучения исторической эволюции повседневности к исследованию актуальных проблем современной культуры, проявляющихся на уровне повседневных практик: еда, одежда, шоппинг, поездки и т.п.

Вопросы семинара

1. Философские и социологические трактовки понятий «повседневность», «культура повседневности». Характеристики повседневности.
2. Теоретические основания исследования культуры повседневности в работах западных мыслителей.
3. Исследование культуры повседневности в работах отечественных ученых.
4. Методы исследования повседневности. Современные техники анализа текстов повседневной культуры.

Вопросы для самопроверки

1. В чем смысл «нового поворота» в гуманитарных исследованиях, о котором говорит П. Штомпка?
2. В каких особенностях исследований современной культуры находит свое выражение данный «поворот»?
3. Каковы, с точки зрения П. Штомпки, истоки «третьей социологии»?
4. Какие направления социологической мысли он считает теоретической основой «третьей социологии»?
5. Как трактуется повседневность в социально-антропологических исследованиях?
6. Как трактуется повседневность в психологической науке?
7. Назовите философские и социологические трактовки понятий «повседневность», «культура повседневности».
8. В чем состоит специфика культурологического подхода к анализу культуры повседневности?

9. Каковы базовые характеристики повседневности в отличие от других сфер человеческого бытия?
10. Какие фигуры представляют антропологический тип мира повседневности?
11. Какие работы западных исследователей выступают в качестве теоретико-методологической основы современных исследований культуры повседневности?
12. Какова логика развития исследований по истории повседневности в западной гуманитарной науке?
13. Какие направления исследования культуры повседневности существуют сегодня в современной российской культурологии?
14. Какие методологические проблемы существуют сегодня в исследовании культуры повседневности российскими учеными?
15. В каких работах осуществляются исследования типологических структур повседневности?
16. Какие тексты, документы являются источником исследований культуры повседневности определенной эпохи?

Литература, рекомендуемая для изучения темы

1. Адоньева, С.Б. Категория ненастоящего времени: (антропологические очерки) / С.Б Адоньева. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. – 176 с.
2. Беловинский, Л.В. Культура русской повседневности: учебное пособие для вузов / Л.В. Беловинский. – М.: Высшая школа, 2008. – 768 с.
3. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
4. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV – XVIII вв.: в 3-х т. / Ф. Бродель – М.: Изд-во «Весь мир», 2006-2007.
5. Гачев, Г. Ментальности народов мира / Г. Гачев. – М.: Изд-во ЭКСМО, 2003.–544 с.

6. Георгиева, Т.С. Культура повседневности: учебное пособие для вузов в 3-х кн. / Т.С. Георгиева. – М.: Высшая школа, 2007.
7. Горшков, М.К. Российская повседневность в условиях кризиса: социологическое измерение / М.К. Горшков // Социологические исследования. – 2009. – №12. – С. 36-47.
8. Девятко, И.Ф. О пределах и природе дескриптивного обыденного знания о социальном мире / И.Ф. Девятко [и др.]. // Социологические исследования. – 2010. – №8. – С. 3-17.
9. Ионин, Л.Г. Социология культуры: учебное пособие / Л.Г. Ионин. – М.: Логос, 1996. – 280 с.
10. Капкан, М.В. Культура повседневности: учебное пособие / М.В. Капкан; Уральский федеральный университет. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2016. – 110 с.
11. Касавин, И.Т. Анализ повседневности / И.Т. Касавин, С.П. Щавелев. – М.: Канон+, 2004. – 432 с. – (Современная философия).
12. Козлова, Н.Н. Методология анализа человеческих документов / Н.Н. Козлова // Социологические исследования, 2004. – №1. – С. 14-26.
13. Козлова, Н.Н. Социология повседневности: переоценка ценностей- Н.Н. Козлова // Общественные науки и современность. – 1992. – № 3. – С. 47-56.
14. Марков, Б.В. Культура повседневности: учебное пособие для вузов / Б.В. Марков. – СПб.: Питер, 2008. – 352 с.
15. Штомпка, П. В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии / П. Штомпка // Социологические исследования. – 2009. – №8. – С. 3-13.
16. Шюц, А. Структура повседневного мышления / А. Шюц // Социологические исследования. – 1988. – № 2. – С. 129-137.
17. Шюц, А. Избранное. Мир, светящийся смыслом / А. Шюц. - М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. –1056с.

18. Элиас, Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования: в 2-х т. – Т. 1. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада / Н. Элиас. – М.; СПб.: Университетская книга, 2001. – 332с.

Интернет-ресурсы

1. Новое литературное обозрение: российский филологический журнал / Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям; гл. ред. И.Д. Прохорова. – М.: Издат. дом «Новое литературное обозрение», 1992. – Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/>
2. Теория моды: журнал / Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям; гл. ред. И.Д. Прохорова. – М.: Издат. дом «Новое литературное обозрение», 2006. – Режим доступа: <http://www.fashiontheory.ru/>

7 Профили изучения культуры в современных интеллектуальных журналах

План

1. Современная постимперская история России в журнале «Ab imperio».
2. Специфика изучения культуры в журналах «Новое литературное обозрение», «Неприкосновенный запас» и «Теория моды».
3. «Международный журнал исследований культуры» – электронный журнал Сетевого сообщества «Российская культурология».

7.1 Современная постимперская история России в журнале «Ab imperio»

На рубеже тысячелетий российская культурология создала широкое информационное поле исследований. На русский язык переведены все основные культурологические произведения мировой культуры с глубокими и

обстоятельными комментариями. Многие из переводов осуществлялись крупными специалистами в области теории культуры, что определило высокое качество перевода и степень проникновения в многозначность научных текстов. Например, перевод 4-томного труда К. Леви-Строса «Мифологии» был осуществлен известным культурологом К.З. Акопяном.

Информационное поле культурологических исследований расширяется за счет издания многочисленных словарей и специальных справочных пособий. Среди них выделяется энциклопедия «Культурология. XX век» в 2-х томах, изданная в Санкт-Петербурге в 1998 году. Особое место занимают разнообразные хрестоматии и антологии по теории мировой и отечественной культуры, например, «Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн» (Москва, 1993); «Антология исследований культуры» (Санкт-Петербург, 1997); «Антология культурологической мысли» (под ред. С.П. Мамонтова, А.С. Мамонтова; Москва, 1996); «Культурология. XX век» (Москва, 1995); «Теория культуры. Отечественные исследования» (Москва, 1996); «Сравнительное изучение цивилизаций» (под ред. Б.С. Ерасова; Москва, 2001) и др.

Особое значение на рубеже тысячелетий для исследования проблем культуры приобрели российские интеллектуальные журналы: Новое литературное обозрение, *Ab Imperio*, *Res Publica* и др.

Журнал «*Ab Imperio*» (буквально с лат. «от империи») – выходящий в Казани с 2000 года научный профессиональный исторический журнал, целью которого является развитие «новой имперской истории». Журнал представляет собой российский аналог западного журнала *Nationalities Papers*. Редакторами его являются Илья Герасимов и Марина Могильнер.

В проекте *Ab Imperio* его создатели выделяют три основных *источника*:

1) традиция русского «толстого журнала» с постоянной структурой рубрик (только вместо публицистики, прозы, поэзии здесь представлены различные обществоведческие дисциплины). В основе его политической платформы – позиция частного лица – интеллектуала, для которого права

человека имеют безусловный приоритет перед любыми притязаниями политической группы;

2) традиция самиздата, что касается как институциализации журнала, так и способа подбора авторов и распространения издания. Журнал издается усилиями частных лиц и не зависит от какого-либо министерства или издательства. Рассылается он также конкретным лицам на конкретный запрос;

3) *Ab Imperio* – профессиональный научный журнал западного типа. Для него характерна жесткая структурная и тематическая организация, а материалы принимаются к публикации только после внешнего анонимного рецензирования и серьезной редакторской работы с автором [2, с. 220-221].

Обстоятельства, приведшие к появлению «новой имперской истории»:

1) кризис дисциплины, прежде известной как советология, славистика, русистика и т.д., создавшей великолепную научную традицию в последние десятилетия. С распадом СССР исчез предмет, исчезла та «исследовательская рамка», которая прежде позволяла совмещать глобальную и локальную перспективу при изучении процессов, происходящих на территории СССР;

2) методологический кризис исторической науки в России, когда «потеря стройной марксистской объясняющей модели преодолевается путем варварской эклектики и заимствований из арсенала обществоведения вековой давности» [2, с. 230]. А значит, требуется новая исследовательская рамка, которая учитывала бы наличие самых разнообразных частных перспектив: конфессиональных, национальных, социальных, политических;

3) кризис современных исторических журналов, которые не имеют сегодня ярко выраженной теоретической платформы и представляют собой эклектическое собрание самых разнообразных подходов вне всякой внутренней логики;

4) критика «методологического национализма», использующего теории общества, создававшиеся в ситуации гомогенного национального государства, к исследованию гетерогенных имперских обществ.

Однако «новая имперская история» – это не история империй или теория империи, «империология». Понятия «империя» и «нация» – это идеальные типы, концепты, две оси координат, при помощи которых можно сколь-нибудь описать историческую ситуацию. В самом общем смысле, нация – «это относительно гомогенное пространство универсальных прав, обязанностей, культуры и языка. Империя – принципиально гетерогенное пространство» [2, с. 226]. Однако реальные общества всегда находятся между этими двумя полюсами, ближе то к одному, то к другому. А это означает, что «имперскость» может проявиться в самом неожиданном месте. Она может быть выявлена и в допетровской России и после распада СССР, и в таком идеальном нации-государстве, как Германия или Франция.

Ключевым понятием исследовательского проекта является понятие «имперская ситуация», которая, по определению И. Герасимова и М. Могильнер, «характеризуется параллельным существованием несовпадающих социальных иерархий и систем ценностей, с очень приблизительно устанавливаемым «обменным курсом» статуса – в то время как идеальная модель современного национального государства предполагает универсальность и равнозначность социальных категорий во всех уголках общества» [2, с. 224-225].

Признание наличия имперской ситуации означает, что отсутствуют универсальные, всеобщие, действующие во всех уголках страны правила и даже нормы законодательства, не существует однозначной и универсальной шкалы оценки. «Имперское общество» – это общество, состоящее из краев и регионов, каждый из которых находится на особом положении, анализируемом в категориях частных «вопросов» («еврейского», «польского» и пр.). В таком обществе каждое рациональное решение, принимаемое властью, вызывает совершенно неожиданные последствия.

Другим показателем имперской ситуации является роль этничности как важного социального фактора. Например, еврей в Москве, Одессе, Ташкенте и Харбине будет принадлежать к разным социальным группам, с разным

статусом и правами. В США принадлежность личности к цветному меньшинству в одних сферах будет увеличивать ее шансы на экономическое процветание и социальную мобильность, а в других – наоборот, уменьшать их.

«Новая имперская история» — это не история конкретного региона или политики, это способ описания исторической реальности принципиально гетерогенного, полиэтнического и мультикультурного общества» [2, с. 225]

«Новая имперская история» – это исследовательская ситуация и метод, который предполагает

а) говорить об истории России не «вообще», а анализируя участие той или иной группы в общих явлениях и процессах. Например, писать не об отмене крепостного права в России «вообще», а о существенных различиях в проведении реформы и ее результатах на Украине, на Средней Волге и в Прибалтийских губерниях;

б) исследуя определенную проблему, учитывать два фактора: во-первых, принципиальную неоднородность, гетерогенность имперского пространства; во-вторых, наличие в этом пространстве неких механизмов взаимодействия, взаимосвязи и даже синтеза локального опыта;

в) писать о том, как разного уровня локальные сообщества самоорганизовывались, сорганизовывались, взаимодействовали и интегрировались в единое социокультурное пространство;

г) обращать внимание на многомерность исторического процесса, рассматривать историю как динамичную неравновесную систему с неоднозначностью и непредсказуемостью перспектив.

Как показывает исторический опыт Российской империи, именно обращение не к имперской форме (укрепление «вертикали власти»), а к имперским практикам часто является единственным способом поддержания зыбкого равновесия общин и сообществ. Имперская практика – не подавлять и публично унижать национальные элиты, а интегрировать их в центральную власть, жертвуя ее полным суверенитетом в обмен на политическую стабильность: «То, что Россия покоряла Кавказ, само по себе не делает ее

империей.... А вот то, что после покорения центральная власть отказалась от попыток распространить единое, универсальное имперское законодательство на значительную территорию, фактически живущую по шариату, является очень интересным и важным «имперским» фактом» [2, с. 234].

7.2 Специфика изучения культуры в журналах «Новое литературное обозрение», «Неприкосновенный запас» и «Теория моды»

Журнал «Новое литературное обозрение» основан в 1992 году Ириной Прохоровой (издается издательством «Новое литературное обозрение», созданным в 1992 году. Главный редактор – И.Д. Прохорова). В редколлегию «НЛО» вошли известные российские и западные специалисты по литературе и гуманитарным наукам.

Изначально «Новое литературное обозрение», или «НЛО», планировалось как сугубо литературоведческий журнал, однако впоследствии он, эволюционируя и расширяя сферы своих интересов, превратился в междисциплинарное издание, интересное для специалистов самых разных гуманитарных областей знания – философов, историков, социологов. За 20 лет журнал стал ведущим российским изданием в сфере истории и теории литературы, социологии культуры и культурологии. Материалы, опубликованные в «НЛО», становятся событием для филологического сообщества и входят в программу обязательной подготовки студентов гуманитарных вузов. «Новое литературное обозрение» также включено в список журналов, рекомендованных ВАК РФ, публикация в которых засчитывается соискателям научной степени кандидата и доктора наук. Статья в НЛО также является преимуществом для претендентов на получение степени PhD в научных учреждениях США.

Традиционно журнал структурируется по пяти отделам: теория, история, практика, библиография, хроника научной жизни. Помимо номеров с

традиционной структурой раз в несколько лет «НЛО» готовит тематические выпуски, посвященные какой-либо актуальной теме современной культуры.

В 1998 году НЛО стал издаваться еще один журнал, первоначально предназначенный для обсуждения проблем развития интеллектуального сообщества — «Неприкосновенный запас» (сокращенно «НЗ»). Шеф-редактор журнала – Илья Калинин). Однако постепенно в нем стало уделяться больше внимания проблемам современного общества в целом. На страницах «НЗ» публикуются работы известных специалистов в самых разных областях гуманитарной науки: философии, политологии, культурологии, социологии и др. «Неприкосновенный запас» за годы своего существования получил международную известность, являясь единственным российским изданием, входящим в общеевропейскую сеть «eurozine».

В 2006 году издательство «НЛО» выпустило новый культурологический журнал «Теория моды», который издается в рамках проекта «Культура повседневности». Шеф-редактором журнала является Людмила Алябьева. Сайт журнала – <http://www.fashiontheory.ru/>

Журнал «Теория моды» – первый российский гуманитарный журнал, рассматривающий моду как феномен культуры. Тематика публикаций журнала весьма обширна и разнообразна: история костюма, исторические представления о красоте и моде, телесные практики, мода и искусство, мода и городская жизнь, мода и фотография, мода и PR. Благодаря журналу российский читатель имеет возможность познакомиться с аналитическими материалами по современной моде, с творчеством известных дизайнеров, с вопросами потребления моды, модной журналистикой. В журнале публикуются статьи из ведущих международных журналов моды, классические тексты по теории моды, работы российских ученых по истории костюма.

«Теория моды» — единственное российское издание, ориентированное на исследование моды в академическом ключе и имеющее междисциплинарный характер, что принципиально отличает его от коммерческих журналов моды. Вместе с тем это не «скучный» научный альманах по истории костюма, а

издание, обсуждающее самые актуальные вопросы моды в широком гуманитарном контексте. Авторы журнала размышляют о таких неожиданных ракурсах моды, как телесность, символический язык моды, визуальное восприятие, массовая культура, экономика, политика, история идей и т.д.

В 1993 году журнал «НЛО» впервые провел научную конференцию — **Банные чтения**, которые были задуманы как своеобразный устный выпуск журнала. В этом специальном проекте НЛО принимают участие ведущие гуманитарии как нашей страны, так и зарубежья. Здесь обсуждаются проблемы, которые можно назвать «точками роста» мировой и отечественной гуманитарной науки, в том числе проблема антропологического поворота в современном гуманитарном знании. Обсуждение актуальных проблем гуманитарной науки проходит в форме дискуссий и бурной полемики в одном из интеллектуальных московских клубов.

Издательство «Новое литературное обозрение» реализует и другие спецпроекты, наиболее интересными из которых являются специальный проект «Культура повседневности»; Клуб гуманитарных диспутов; Международные Приговские чтения в РГГУ, Международная антропологическая конференция «Топография счастья: этнографические карты модерна»; Международная конференция «Интеллектуальный язык эпохи: история идей, история слов»; презентации книг, выпущенных издательством «НЛО» и др.

7.3 «Международный журнал исследований культуры» – электронный журнал Сетевого сообщества «Российская культурология»

Современная информационная эпоха существенно расширяет возможности российских ученых в плане их творческой самореализации и профессиональной коммуникации. Одной из ведущих тенденций развития информационного поля современных гуманитарных исследований становится издание электронных журналов самой разнообразной научной направленности. Одним из таких изданий является «Международный журнал исследований

культуры» («International Journal of Cultural Research») – электронный журнал Сетевого сообщества «Российская культурология», который выпускается с 2010 года издательством «Эйдос». Создание данного журнала является проектом Санкт-Петербургского отделения Российского института культурологии. Целями журнала являются: профессиональное и личное общение российских культурологов, в том числе в реальном времени (через форумы, чаты); проведение интернет-конференций по актуальным проблемам современного культурологического знания, организация интерактивных видеотрансляций научных мероприятий, участие российских культурологов в мероприятиях Российского института культурологии, публикации научных статей, рецензий, обзоров российских авторов по проблемам культуры и т.п.

В редакционный совет журнала входят ведущие российские и западные культурологи, такие, как К. Разлогов (председатель редакционного совета), Н. Кочеляева (ответственный секретарь), Т. Артемьева, А. Васильев, В. Дианова, М. Уваров, Н. Хренов, Б. Марков, В. Конев (Россия), В. Аренс, Ш.Х. Сигфрид, Д.Л. Крейвен, Дж. Макдермот, А. Марсубян, Дж. Райдер и С. Сендерович (США), К. Вилькошевска и М. Волос (Польша), К. Вульф (Германия), П. Къоцци (Италия), М.-А. Пийо (Франция) и др.

«Международный журнал исследований культуры» издается 12 раз в год, каждый выпуск журнала носит тематический характер. Материалы авторов публикуются только в соответствии с объявленной темой номера. Концепция текущего номера и тематический план на следующие номера объявляются на главной странице сайта: <http://culturalnet.ru>.

В журнале публикуются материалы самой широкой гуманитарной направленности: критические и научные статьи, обзоры, рецензии. Тематика научных публикаций журнала весьма разнообразна и отражает наиболее актуальные проблемы современного культурологического знания: культурная память, свое и чужое в культуре, политики культурной идентичности, теория искусства и художественное воображение XXI века, культурная история медиа, кинотекст, цифровая культура, культурная география, русская утопия и т.д.

Журнал принимает к публикации только новые, ранее не публиковавшиеся ни в одном издании научные работы. Все материалы, публикуемые в журнале, проходят обязательное внутреннее рецензирование. При принятии решения о публикации в качестве основных критериев служат актуальность рассматриваемой проблемы, научная новизна, соответствие академическим стандартам научного текста, выраженная исследовательская позиция автора работы.

Публикации журнала доступны не только для членов Сетевого сообщества «Российская культурология», но и для всех, кто интересуется проблемами современной культуры.

Вопросы семинара

1. Теоретико-методологическая основа изучения культуры в современных российских интеллектуальных журналах.
2. Современная постимперская история России в журнале «Ab imperio».
3. Специфика изучения культуры в журналах «Новое литературное обозрение», «Неприкосновенный запас» и «Теория моды».
4. «Международный журнал исследований культуры» – электронный журнал Сетевого сообщества «Российская культурология».

Вопросы для самопроверки

1. Какие современные интеллектуальные журналы вам известны?
2. Назовите профили изучения культуры в современных интеллектуальных журналах.
3. Какова теоретико-методологическая основа изучения культуры в журнале «Ab imperio»?
4. Чем отличается содержание данного журнала от традиционной истории империи?
5. В чем состоит суть понятия «имперская ситуация», используемого в журнале?

6. В чем состоит специфика изучения культуры в публикациях журналов «Новое литературное обозрение», «Неприкосновенный запас», «Теория моды»?
7. В чем состоит отличие журнала «Теория моды» от других российских модных журналов?
8. Какие культурные проекты и мероприятия проводит издательство «Новое литературное обозрение»?
9. Каковы подходы к истории понятий в исследовательских практиках центра Res publica?
10. Какие проблемы культуры освещаются в электронном журнале Сетевого сообщества «Российская культурология» – «Международном журнале исследований культуры»?

Индивидуальные задания по теме

Задание 1. Подготовьте обзор публикаций, представленных в одном из номеров журнала (на выбор):

- Международный научный журнал «Ab Imperio»;
- Российский филологический журнал «Новое литературное обозрение».
- Журнал «Неприкосновенный запас».
- Журнал «Теория моды».
- Международный журнал исследований культуры.

Литература, рекомендуемая для изучения темы

1. Трофимова, Р.П. История русской культурологии: учебное пособие для высшей школы / Р.П. Трифонова. – М.: Академический проект: Трикта, 2003. – 608 с. – («Gaudeamus»).
2. Что такое «новая имперская история», откуда она взялась и к чему она идет? Беседа с редакторами журнала Ab Imperio Ильей Герасимовым и Мариной Могильнер // Логос. –2007. – №1 (58). – С. 218-238.

Интернет-ресурсы

1. Международный научный журнал «Ab Imperio». Сетевая версия:
<http://www.abimperio.net>
2. Российский филологический журнал «Новое литературное обозрение». Сетевая версия: <http://www.nlobooks.ru/>
3. Журнал «Теория моды». Режим доступа: <http://www.fashiontheory.ru/>
4. Журнал «Неприкосновенный запас». Режим доступа:
<http://magazines.russ.ru/nz/>
4. Международный журнал исследований культуры. Сетевая версия:
<http://culturalnet.ru>.

8 Визуальная антропология в российских исследованиях культуры 1990-2000 годов

План

1. Визуальная антропология как направление современных исследований культуры: предмет и научный статус.
2. История возникновения визуальной антропологии. Антропологическое (этнографическое) кино.
3. Визуальная антропология сегодня.

8.1 Визуальная антропология как направление современных исследований культуры: предмет и научный статус.

На рубеже XX-XXI веков в России развиваются новые для отечественной науки направления гуманитарного знания: культура повседневности, гендерные исследования, регионалистика, культурная география, лингвокультурология и т.д. Одним из таких направлений стала **визуальная антропология**. Антропология – совокупность научных дисциплин, занимающихся изучением человека, его происхождением, развитием, существованием в природной

(естественной) и культурной (искусственной) средах. Традиционно в антропологии выделяют несколько взаимосвязанных дисциплин: философская антропология, физическая, социальная и культурная антропология и т.д.

Визуальная антропология занимается *изучением человека* на основе фото-видеоматериалов с помощью таких выразительных средств, как кинематограф, фотоискусство, телевидение и др.

Среди специалистов до сих пор нет единого мнения относительно времени появления этого научного направления. Большинство исследователей связывает его возникновение с распространением во второй половине XIX века фото-фоно-кинодокументирования как способа фиксации самобытной культуры народов мира. Антрополог из Флоренции П. Кьоцци высказывает предположение, что понятие «визуальная антропология» впервые появилось в 1861 году. Французский антрополог М. Пийо относит время возникновения визуальной антропологии к первому десятилетию XX века. О.Б. Христофорова считает, что визуальная антропология возникла более полувека назад в рамках американской культурной антропологии.

Визуальная антропология обязана своим появлением, прежде всего, фотографии, звукозаписи и особенно кинематографу. А значит, реальные истоки зарождения визуальной антропологии надо искать с момента изобретения и развития экранных средств распространения информации о быте, нравах, культурных традициях различных народов мира.

Изначально визуальная антропология формировалась как область знания на границе этнографии, культурологии и социологии, где аккумулируется информация о том или ином культурном сообществе при помощи фото и видеоаппаратуры. По мере эволюции фокус внимания перемещается с этнических групп на различные аспекты жизни профессиональных, конфессиональных, возрастных сообществ. Визуальная антропология становится более культурологической дисциплиной, нежели этнографической.

Различны представления исследователей о научном статусе визуальной антропологии. Так, в Центре визуальной антропологии МГУ она трактуется как

этнографическая дисциплина, основанная на непрофессиональных, с художественной точки зрения, фильмах исследователей-антропологов. Евгений Александров, директор Московского международного фестиваля визуальной антропологии, дает следующее определение визуальной антропологии, соответствующее ее сегодняшнему состоянию: это «комплексная (научная, творческая, организационная и информационно-технологическая) деятельность, направленная на получение и внедрение в социальную практику аудиовизуальной информации о малоизвестных сторонах жизни общества с целью осуществления диалога культур» [2].

С точки зрения В.М. Магидова, то, что вкладывается сегодня в понятие «визуальная антропология» в практической деятельности – это по существу рамочное явление под названием «этнографическое или антропологическое кино» [9, 10]. Между тем «визуальная антропология» – это огромный объем информации, повседневно создаваемой преимущественно на пленочных или цифровых носителях информации (фотографии, различного рода звукозаписи, реклама, дизайн, архитектура и т.п.).

Другими словами, визуальная антропология – широкое понятие, которое вмещает в себя практически всю технологическую цепочку от замысла аудиовизуального документа до создания конечного продукта, осмысления границ его интерпретации в гуманитарном и естественнонаучном знании, а также определения его места в системе методологических парадигм XX века. Она выступает преимущественно в качестве прикладной дисциплины. Вместе с тем процесс создания продуктов визуальной антропологии носит научно-творческий характер и сопровождается широким применением современных технических средств. Этот процесс немислим без использования достижений науки и техники.

Западные ученые рассматривают визуальную антропологию, с одной стороны, в качестве особой области гуманитарных исследований, с другой – как самостоятельную научную дисциплину.

8.2 История возникновения и развития визуальной антропологии

Еще до становления антропологии в качестве учебной дисциплины в 80-е годы XIX века ученые-этнографы использовали визуальные методы, в частности фотографию, в качестве инструмента исследования. Они изучали, снимали и документировали жизнь малочисленных народов, обреченных на исчезновение. С появлением киносъемки основным средством визуальной антропологии становится *антропологическое (этнографическое) кино*. В антропологии до сих пор идут споры по поводу того, какие фильмы можно считать антропологическими. Так, Джей Руби считал, что антропологическими фильмами можно считать только фильмы, созданные антропологами или под их руководством. В то же время совершенно иную позицию по этому вопросу высказывает Карл Хайдер: «Все фильмы этнографические: они рассказывают о людях. Даже если на экране появляются только облака или ящерицы, фильмы сделаны людьми и таким образом отражают культуру тех, кто снял фильм, и тех, кто его смотрит» [12, с. 13-14].

Первая звукозапись и этнографическая киносъемка на открытом пространстве была произведена в 1898 г. по инициативе Альфреда Корта Хеддона во время Британской этнографической экспедиции в Торесов пролив. Целью данной киносъемки было визуальное отображение жизни коренного населения Австралии – от религиозных представлений до социальной организации, от повседневной жизни до материальной культуры. Материалы этой экспедиции считаются датой официального рождения этнографического кино, которому впоследствии суждено было стать объектом изучения визуальной антропологии.

В России первые киносъемки антропологического содержания были произведены в августе 1897 года одним из первых профессиональных кинооператоров Б. Матушевским, который в течение нескольких дней последовательно фиксировал на пленку обычаи, ритуалы, фольклор народов,

проживающих на достаточно большой территории между Лодзью и Варшавой. Кроме того, в 1908 году по инициативе российского предпринимателя А.А. Ханжонкова был произведен ряд съемок этнографических и географических сюжетов. Летом 1908 года оператор В.Ф. Сиверсен снял фильм о жизни, быте и культуре одного из кавказских народов, живших в Российской империи в начале XX века.

Родоначальниками этнографического кино считают трех выдающихся кинодокументалистов XX в. Роберта Флаэрти, Дзигу Вертова и Владимира Ерофеева. Все трое были увлечены этнографической экзотикой Севера. Американский режиссер Роберт Флаэрти смонтировал в 1922 году фильм «Нанук с Севера», отразив впервые на документальном материале жизнь и быт эскимосов. Дзига Вертов в своем фильме «Шестая часть мира» (1926) обратился к укладу жизни и культуре нескольких коренных народов России: коми, ненцев, калмыков, бурятов и др. В. Ерофеев в фильме «За Полярным кругом» (1927) использовал киносъемки Ф.К. Бремера во время путешествия за Полярный круг в 1913 году парохода «Колыма».

Зарубежными антропологами и кинематографистами (Р. Флаэрти, Ф.У. Ходжа, Р.Гарднер, А. Баликчи, Т. Эш, Дж. Маршалл, Д. Д. МакДоугал, С. Уарт, Ж. Руш и др.) в течение 1920-1990 годов были проведены исследования культуры и быта народов Африки, Индии, Америки с использованием аудиовизуальных технических средств и создан ряд классических этнографических фильмов. В результате данных экспедиций в музеях различных стран сформировался большой фонд фильмов, анализ которых проводился главным образом с культурологических и антропологических позиций.

Однако осмысление визуальной антропологии как академической дисциплины произошло много позже. Антропологический анализ кино, телевидения и других форм масс-медиа берет начало с исследований 1940-х годов Грегори Бейтсона, Маргарет Мид, Роды Метро, которые осуществили текстуальный анализ культурных элементов, дистанцируясь от других аспектов

кино. Позже на Бали и в Новой Гвинее Грегори Бейтсон и Маргарет Мид занимались изучением невербальной коммуникации в туземных культурах, а также ритуальных танцев и трансовых состояний, для фиксации которых они использовали фотосъемку и кино. Результатом их работы стал фильм «Trance and Dance in Bali» (1952).

В СССР после революции создается грандиозный по масштабу и беспрецедентный по замыслу проект, носивший государственный масштаб, – проект создания «Киноатласа СССР» как серии краеведческих и этнографических фильмов. В создании фильмов этнографического характера до начала 1940-х годов выделяется два основных этапа: 1) вторая половина 1920-х годов – этап, наиболее плодотворный в творческом отношении; 2) 1930-е годы.

На первом этапе по самым различным областям науки создавались фильмы, которые выходили под общим названием «культурфильм». Большая их часть носила географический и этнографический характер и была ориентирована на показ образа жизни и культуры народов, живущих в различных уголках нашей страны. В целом это было достаточно представительное собрание картин с некоторыми подробностями быта и с сопровождающими надписями идеологического содержания.

Если судить только по названиям, то снятые в 1920-е годы картины были весьма разнообразны по содержанию: «Жизнь талышей в Ленкоранском крае» (1925), «За Полярным кругом» (1927), «Тунгусы» (1927), «Алтай» (1928), «Марийцы» (1929), «Страна гольдов» (1930) и ряд других; фильм о Бурят-Монголии был создан на материале деятельности советско-германской научной экспедиции (1929). Практически во всех этих фильмах отражается жизнь какого-то одного народа. Но были и фильмы, в которых авторы пытались показать несколько народов, населяющих определенный регион. Так, в киноленте «В горах Кавказа» (1927) говорится о семи народах, населяющих этот край: это ингуши, чеченцы, кабардинцы, осетины, адыгейцы, карачаевцы и др.

В начале 1930-х годов была активизирована работа по реализации программы «Киноатласа СССР». Целью проекта явилось создание кинематографического многосерийного фильма о жизни и быте советских народов. Согласно разработанным принципам, каждый фильм серии должен был быть краеведческим и этнографическим (планировалось создание в течение 5 лет, начиная с 1933 года, в общей сложности 100 фильмов). Однако программа «Киноатлас СССР» в полном объеме так и не была выполнена.

В целом следует отметить, что в кинодокументах 1920-1930-х годов превалирует отражение внешней стороны жизни национальных, конфессиональных, региональных сообществ. Вместе с тем, ценность этих съемок несомненна и с исторической, и с социально-культурной точек зрения. Они давали возможность наглядно и образно представить информацию об основных занятиях малоизвестных, практически исчезающих культур, в значительной мере определяющих полноту и духовную ценность облика единого мирового сообщества. Следует также особо подчеркнуть, что подавляющая часть фильмов носила пропагандистский характер и ставила задачу показать те позитивные изменения, которые произошли в жизни народов СССР в годы Советской власти.

В фильмах 1900-1950 годов (около 200 наименований) содержатся также интересные факты об обычаях и нравах городского населения (на примере г. Москвы), а также некоторых регионов СССР и России (особенно народов Кавказа, Крыма, Севера, Урала и бассейна Волги). Авторами многих кинопроизведений данной тематики были известные кинематографисты, чей авторитет выходил далеко за пределы нашей страны: Д. Вертов, В. Ерофеев, И. Копалин, Е. Свилова, Ю. Желябужский, Н. Лебедев, Амо Бек-Назаров, П. Зотов, И. Беляков, А. Литвинов и др. Они отражали особенности жизнедеятельности отдельных этнических сообществ и групп и включали в себя документальные съемки народных празднеств, обрядов, быта и нравов народов СССР.

Следует отметить, что кинодокументы 1920-1950 годов, созданные с ярко выраженных идеологических позиций, не вполне способствовали объективному восприятию образа жизни и культуры коренных народов страны, поскольку акцентировали внимание на отсталости, архаичности этих народов и на той роли, которую сыграла советская власть в их историческом развитии.

8.3 Визуальная антропология сегодня

Вплоть до середины 80-х годов XX века этнографические съемки в нашей стране проводились бессистемно и в крайне небольшом объеме. В наши дни положение в корне изменилось: практические опыты в области визуальной антропологии стали распространенным явлением, что может быть объяснено следующими причинами:

- 1) доступностью аудиовизуальных средств нового поколения, их небольшой стоимостью, простотой в обращении;
- 2) постоянно возрастающей ролью визуальной коммуникации в современном обществе;
- 3) надеждами на формирование взаимопонимания в отношениях между представителями разных народов средствами визуальной антропологии.

Визуальная антропология развивается как направление научных исследований, как прикладная дисциплина и особый вид культурологической деятельности. Во многих странах мира проводятся фестивали визуальной антропологии. Только в Европе постоянно работают около 30 фестивалей. Один из старейших фестивалей в Париже недавно отметил свой 25-летний юбилей. В течение последнего десятилетия новые фестивали появились в странах Восточной Европы, в Китае, Индии, Эстонии (с 1987 года в г. Пярну, входившем тогда в СССР) и т.д. Московский международный фестиваль визуальной антропологии начал работать с 2002 года.

Так, в 2010 году в Москве под девизом «Камера-посредник» прошел V Международный фестивали визуальной антропологии, в программу которого

вошло 48 фильмов из разных стран мира. Призерами фестиваля стали российские кинематографисты: Владимир Головнев («Не от мира сего...»), Сергей Ястржембский (фильм о народе химба), Евгения Трифонова («Песнь невесты»), Андрей Береговенко (фильм о детях-инвалидах). В 2014 году в Москве прошел VI Международный фестиваль визуальной антропологии.

Центры визуальной антропологии созданы в МГУ им. М.М. Ломоносова, в Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ). Курсы по визуальной антропологии читаются для студентов-культурологов и этнографов в МГУ, РГГУ. Однако эта дисциплина пока не нашла широкого применения в учебном процессе, что обусловлено как отсутствием специалистов, так и недостаточной технической оснащённостью образовательных учреждений.

Вопросы семинара

1. Визуальная антропология как направление современных исследований культуры.
2. История возникновения визуальной антропологии.
3. Этнографический (антропологический) фильм и его отличия от документального кино.
4. Зарубежные школы этнографического кино.
5. Визуальная антропология в России.

Вопросы для самопроверки

1. Чем отличаются понятия «визуальная антропология», «визуальная культура» и «экранная культура»?
2. Какое место занимает визуальная антропология в системе культурологического знания?
3. В чем состоит специфика этнографического фильма и его отличие от научной литературы и от документального кино?
4. Когда и где происходит становление визуальной антропологии как науки?

5. Кто считается ее основоположником?
6. Назовите ведущие зарубежные школы этнографического кино.
7. Кто считается родоначальником антропологического кино в России?
8. Назовите основные разновидности аудиовизуальной продукции.
9. Как происходит становление визуальной антропологии в СССР?
10. Как происходит становление визуальной антропологии в современной России?
11. Чем отличаются подходы к этнографическому фильму за рубежом, в СССР и современной России?
12. Чем объясняется активное развитие визуальной антропологии в России сегодня?
13. Назовите фестивали антропологического кино.
14. В каких российских вузах преподается визуальная антропология как учебная дисциплина?
15. С чем связаны эти трудности в ее реализации в вузах нашей страны?

Литература, рекомендуемая для изучения темы

1. Аванесова, Г.А. Методология анализа культуры, общества и человека в отечественном гуманитарном познании XIX – XX веков / Г.А. Аванесова // Социально-гуманитарные знания, 2005. – №5. – С. 83-96.
2. Александров, Е. В. Опыт рассмотрения теоретических и методологических проблем визуальной антропологии / Е.Б. Александров. – М.: Пенаты, 2003. – 97 с. Режим доступа: http://visant.etnos.ru/library/maket_book_alex.pdf (дата обращения: 15.10.2018).
3. Белик, А.А. Культурология: антропологические теории культур: учебное пособие / А.А. Белик. – М.: РГГУ, 2000. – 240 с.
4. Визуальная антропология: городские карты памяти / под редакцией П.В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. – М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009. – 312 с.

5. Визуальная антропология: режимы видимости при социализме / под редакцией Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова. – М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009. – 448 с.
6. Дробашенко, С.В. Экран и жизнь. О художественном образе в документальном фильме / С.В. Дробашенко. – М.: Искусство, 1962. – 240 с.
7. Дубровский, Э.А. Остановись, мгновение! Очерки драматургии неигрового фильма / Э.А. Дубровский. – М.: Искусство, 1982. – 150 с.
8. Козлова, Н.Н. Методология анализа человеческих документов / Н.Н. Козлова // Социологические исследования, 2004. – №1. – С. 14-26.
9. Магидов, В. М. Визуальная антропология как социокультурное явление в ретроспективе и перспективе современного исторического знания / В. М. Магидов. – Режим доступа: http://www.mdn.ru/cntnt/blocksleft/menu_left/nacionalny/publikacii2/stati/v_m_magido.html (дата посещения: 01.07.2013).
10. Магидов, В. М. Опыт источниковедческой интерпретации архивных документов по визуальной антропологии / В. М. Магидов. Режим доступа: http://rfaf.ru/rus/library/24_b325_view_p1 (дата обращения: 15.10.2018).
11. Рокитянский, В. Р. Визуальная антропология: частное расследование / В. Р. Рокитянский. – М.: Теис, 2000. – 90 с.
12. Хайдер, К. Этнографическое кино / К. Хайдер. – М.: РАН, 2000. – 199 с.

Интернет-ресурсы

Центр визуальной антропологии / МГУ им. М.В. Ломоносова; рук. Е.В. Александров. – Режим доступа: visant.ethnos.ru

Индивидуальные задания по теме

Задание 1. Просмотреть один из фильмов родоначальников этнографического кино: Р. Флаэрти «Нанук с Севера», Дзиги Вертова «Шестая

часть мира» и В. Ерофеева «За Полярным кругом» – и составить рецензию на фильм.

9 Лингвокультурология как направление исследований культуры в России

Вопросы семинара

1. Смена парадигм в языкознании. Новая парадигма знаний и место в ней лингвокультурологии.
2. Статус дисциплины в ряду лингвистических дисциплин.
3. История и теоретические основания лингвокультурологии.
4. Цели, задачи, предмет и методология современной лингвокультурологии.
5. Проблемы взаимодействия языка и культуры.

Вопросы для самопроверки

1. Как связаны между собой язык и культура?
2. Чем обусловлена смена научных парадигм в языкознании?
3. Каково место лингвокультурологии в новой парадигме знаний?
4. С чем связано изменение статуса дисциплины в ряду лингвистических дисциплин?
5. Назовите основные исторические этапы формирования лингвокультурологии как области исследований и учебной дисциплины.
6. Каковы теоретические основания лингвокультурологии?
7. Каковы цели и задачи современной лингвокультурологии?
8. Какова методология современной лингвокультурологии?
9. В чем состоит специфика метода лингвокультурологии?
10. Как решаются проблемы взаимодействия языка и культуры в современных исследованиях?

11. Язык отражает дух народа, его ментальность. Приведите примеры, подтверждающие этот тезис.
12. В чем состоит специфика лингвокультурного анализа языковых сущностей?

Литература, рекомендуемая для изучения темы

1. Бунчук, Т. Н. Концептуальный анализ текстов традиционной культуры: автореферат дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Т. Н. Бунчук. – СПб., 2003. – 20 с.
2. Воробьев, В. В. Лингвокультурология: монография / В. В. Воробьев. – М.: РУДН, 2008. – 338 с.
3. Игошина, О. А. Лингвокультурологический анализ фольклорного текста при обучении русскому языку немецкоязычных студентов: автореферат дисс. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / О. А. Игошина. – Санкт-Петербург, 2003. – 20 с.
4. Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / В. В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. – 283 с.
5. Леонтьев, А. А. Языковое сознание и образ мира / А. А. Леонтьев // Языковое сознание: парадоксальная рациональность. – М.: Академия, 1993. – С. 16-21.
6. Лихачёв, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Известия РАН – СРЯ – 1993. – № 1. – С. 3-9.
7. Маслова, В. А. Лингвокультурология: учебное пособие / В. А. Маслова. – 3-е изд., испр. – М.: Академия, 2007. – 208 с.
8. Миронова, Ю. В. Отражение русской ментальности в концептах художественного текста: автореферат дисс. ... канд. филол. наук / Ю. В. Миронова. – Липецк, 2003. – 19 с.
9. Шмелев, А. Д. Русская языковая модель мира / А. Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.

10 Социокультурная синергетика как направление исследований культуры в России

План

1. Становление и развитие синергетической теории в западной и отечественной науке.
2. Основные положения синергетической теории.
3. Проблема использования методологического инструментария синергетики к изучению культурных процессов и явлений.
4. Эвристические возможности и основные направления современной социокультурной синергетики.

10.1 Становление и развитие синергетической теории в западной и отечественной науке

Синергетика – теория сложных самоорганизующихся систем, датой рождения которой принято считать 1973 год, когда была проведена первая международная конференция по проблемам самоорганизации, на которой немецкий исследователь Г. Хакен выступил с докладом «Кооперативные явления в сильно неравновесных и нефизических системах». Одновременно над этими же проблемами и в том же направлении работала брюссельская школа И. Пригожина, который в 1977 году вместе с Г. Николисом опубликовал монографию «Самоорганизация в неравновесных системах». Понятие «синергетика» с тех пор прочно вошло в научный оборот в качестве понятия, обозначающего теорию эволюции и самоорганизации сложных систем самой разной природы.

Становление и утверждение синергетики происходит в контексте парадигмальных изменений в развитии науки, связанных с тем, что сформировавшаяся на рубеже XIX-XX веков неклассическая наука в конце XX века сменяется постнеклассической наукой. В гуманитарных науках

происходит переосмысление базовых положений о закономерностях социокультурной динамики: представления о линейности, прогрессивности, предсказуемости социального развития сменяются признанием непредсказуемости и альтернативности исторического процесса, его неустойчивости, неравновесности, многовариантности.

Осознание исчерпанности классической парадигмы науки было связано с ее неспособностью объяснить те сложнейшие явления и процессы, с которыми столкнулось человечество в XX веке: социальные революции и конфликты, технологические катастрофы, глобальный экологический кризис и т.д. Все эти драматические реалии современной эпохи потребовали новых научных подходов к исследованию динамики таких суперсложных систем, как человек, общество, культура.

Одной из составляющих глобальной научной революции (В.С. Степин) стало утверждение синергетической методологии исследования процессов развития систем. В современной синергетике существуют различные научно-исследовательские школы: школа И. Пригожина (теория диссипативных структур); Г. Хакена (теория самоорганизации систем), В.И. Арнольда (математическая теория катастроф); А.А. Самарского и С.П. Курдюмова (математическое моделирование, вычислительный эксперимент для нелинейных сред); М.В. Волькенштейна и А.С. Чернавского (синергетический подход к биофизике и информатике); Н.Н. Моисеева (глобальный эволюционизм); Б.Б. Кадомцева и Ю.Л. Климонтовича (математический аппарат синергетики) и др.

Представители данных школ по-разному трактуют такие основополагающие понятия синергетики, как «самоорганизация», «хаос», «аттрактор», «фрактал» и т.п.; используют для объяснения одних и тех же процессов различные концептуальные модели. Поэтому остановимся на общепризнанных и наиболее распространенных в гуманитаристике идеях синергетики, не акцентируя внимания на специфике их персональной интерпретации.

10.2 Основные положения синергетической теории

Базовым понятием синергетической теории является понятие «самоорганизация», которое означает спонтанное, самопроизвольное усложнение структуры или свойств системы, возникающих за счет флуктуаций параметров порядка. Именно так определяет понятие самоорганизации Г. Хакен, один из основоположников синергетики: «Мы называем систему самоорганизующейся, если она без специфического воздействия извне обретает какую-то пространственную, временную или функциональную структуру. Под специфическим внешним воздействием мы понимаем такое, которое навязывает системе структуру или функционирование. В случае же самоорганизации система испытывает извне неспецифическое воздействие. Например, жидкость, подогреваемая снизу, совершенно равномерно обретает в результате самоорганизации макроструктуру, образуя шестиугольные ячейки» [15, с. 28-29]. Процессы самоорганизации могут возникать в системах с большим количеством элементов, связи между которыми носят вероятностный, нежесткий характер. Самоорганизация обеспечивает процесс перестройки системы за счет согласованного, когерентного «поведения» ее элементов, подчиняющихся параметрам порядка.

Основными признаками самоорганизующихся систем являются:

- 1) открытость, то есть обмен веществом, энергией и информацией с окружающей средой, что является необходимым условием возникновения неравновесных состояний, отличающим открытые системы от замкнутых, стремящихся к равновесному состоянию систем;
- 2) диссипативность – порождающая неравновесность системы «игра, соревнование двух противоположных начал: создающего структуры, наращивающего неоднородности в сплошной среде... и рассеивающего, размывающего неоднородности начала самой различной природы» [8, с. 8], то есть энтропийного и неэнтропийного, организующего и дезорганизующего

начал. Благодаря данному признаку в неравновесных системах могут возникать новые структуры, переходы от хаоса к порядку и наоборот. Новое состояние возникает благодаря притоку энергии, так как происходит постоянная диссипация (рассеяние) энергии, выводящая систему из равновесного состояния;

3) нелинейность, то есть отсутствие жестких, однозначных причинно-следственных связей – связей между воздействием на систему и ее реакцией на данное воздействие. В неравновесном состоянии слабое, но типологически точное воздействие на систему может оказывать на ее эволюцию большее влияние, чем сильное воздействие, не адекватное ее внутренним тенденциям.

Центральной философской категорией синергетики является категория «развитие», а предметом исследований – познание переходных процессов в развитии сложных самоорганизующихся систем. В развитии самоорганизующейся системы выделяется два этапа: эволюционный и бифуркационный. Эволюционный этап характеризуется действием самых разных детерминаций: системной, причинно-следственной, корреляционной, функциональной и др., при этом неизменным остается системообразующее качество. Толчком к изменению системы является изменение параметров среды, с которой она обменивается веществом, энергией и информацией. Однако при определенном диапазоне изменений среды качественных изменений самой системы не происходит: она сохраняет заданную структуру путем ее определенной модификации. Но, если изменения констант среды достигли критического значения, превысили определенный порог чувствительности, то происходит переструктурирование, переделка системы, переход ее в новое качественное состояние. Устойчивое развитие системы сменяется процессом дестабилизации, углубления состояния неравновесия, нарастания энтропии, ослабления внутренних связей. В ситуации максимального неравновесия система вступает в бифуркационную фазу развития, которая характеризуется исчезновением прежнего системного качества. В точке бифуркации перед системой возникает множество возможных

путей эволюции, называемых в синергетике «карта возможностей», «пучок траекторий», представляющих потенциальные пути выхода на новые системные качества. Нелинейная система «блуждает» по полю возможностей, актуализируя лишь один из этих путей. Ее выбор того или иного пути зависит от действия флуктуаций (малые возмущения, фактор случайности), которые могут разрастаться в макроструктуры и играть определяющую роль в судьбе системы. В момент воздействия флуктуаций на «блуждающую» по полю путей развития систему происходит ее выпадение на структуру-аттрактор (конечная точка траектории движения). Попадая в поле притяжения определенного аттрактора, система неизбежно эволюционирует к этому устойчивому состоянию (структуре). Так будущее состояние системы определяет, формирует и организует ее настоящее. Выход на структуру-аттрактор означает свертывание сложного, возникновение нового порядка из хаоса. Завершающим моментом данной фазы эволюции является кристаллизация – самоструктурирование и упорядочение системы в соответствии с новым системным качеством.

Таким образом, в синергетике происходит новое осмысление традиционных философских категорий: целого и части, внешнего и внутреннего, необходимого и случайного, возможного и действительного. В рамках данной теории сформулированы идеи, которые имеют серьезные мировоззренческие следствия для современной науки:

- 1) структура сложной самоорганизующейся системы – это процесс, а не что-то застывшее в развитии, устойчивое, стационарное;
- 2) в момент крайней нестабильности случайность может играть важнейшую, определяющую для судьбы системы роль, что особенно значимо для социальных систем, поскольку в них случайность реализуется как деятельность конкретных людей, исходящих из индивидуальных целей и установок;

- 3) для сложных самоорганизующихся систем существует, как правило, несколько альтернативных путей развития. Это означает, что даже в самой сложной ситуации всегда есть возможность выбора оптимального пути;
- 4) в ситуации крайней нестабильности решающую роль в развитии системы играет детерминация из будущего: свойственные нелинейной среде структуры-аттракторы как будущие состояния системы определяют ее выход из состояния хаоса;
- 5) хаос – не только разрушительное начало в процессах развития систем, но и благо, поскольку он может выступать как механизм развития и обновления системы;
- 6) эволюция самоорганизующихся систем носит ритмичный, пульсирующий характер, в ней постоянно происходит циклическое чередование порядка и беспорядка, подъема и спада, интеграции и дезинтеграции;
- 7) в процессе самоорганизации объединение простых структур в одну сложную происходит через установление общего темпа их развития, синхронизации фаз и периодов цикличности [14, с. 350-353].

В современную эпоху названные положения синергетики становятся методологическим основанием различных культурологических, социологических, философских концепций. Использование абстрактных моделей синергетики к исследованию человекомерных систем порождает особое направление гуманитарного знания – социокультурную синергетику, которая начала развиваться в 90-ые годы XX века и была представлена в основном прикладными исследованиями. Сегодня данное направление приближается к целостной теоретической концепции [см. 14, с. 36], в которой в свою очередь также можно выделить различные направления исследований: *синергетика культуры* (М.С. Каган, А.А. Пелипенко, И.Г. Яковенко, Г.А. Аванесова, О.Н. Афанасьева, В.В. Васильева и др.); *системный кризис цивилизации как синергетический процесс* (А.П. Назаретян, В.Г. Буданов, Г.Г. Малинецкий, А.Д. Урсул, А.Л. Романович и др.); *историческая синергетика* (С.Г. Гомаюнов, В.П. Бранский, С.Д. Пожарский, М.В. Сапронов и др.);

синергетика искусства (В.А. Копцик, Г.А. Голицин, И.А. Евин, А.В. Волошинов); *синергетическое моделирование экономических процессов* (Д.С. Чернавский, Н.И. Старков, А.В. Щербаков); *синергетика образования и воспитания* (Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов, В.П. Веряскина, Л.И. Новикова); *синергетический процесс становления личности* (М.С. Каган, А.В. Бараусова); *психосинергетика* (И.Д. Герасимова, Л.А. Колесова, Г.В. Грачев); *синергетика управления* (В.А. Аршинов, К.Х. Делокаров, О.Н. Козлова); *синергетика науки* (В.С.Степин, В.И. Аршинов, Я.И. Свирский, Е.Н. Князева, И.С. Добронравова); *самоорганизация в социальной жизни* (В.В. Василькова, О.П. Мелехова, Г.И. Рузавин); *политическое сознание как процесс самоорганизации* (О.В. Митина, В.Ф. Петренко) и др.

10.3 Проблема использования методологического инструментария синергетики к изучению культурных процессов и явлений

Таким образом, обращение к синергетике представителей различных областей гуманитарного знания сравнимо с эпидемией или с «экспансионистской политикой некоторого государства, стремительно расширяющего сферу своего влияния» [7, с. 99]. Однако отношение научного сообщества к синергетике и ее эвристическим возможностям применительно к гуманитарному знанию остается по-прежнему двойственным. С одной стороны, отмечается «амбициозность» синергетики, пытающейся «заменить или отменить старые исследовательские парадигмы, а не дополнить их» [14, с. 370] – черта, характеризующая работы отдельных авторов. Абсолютизация синергетики и синергетического подхода, провозглашение социальной синергетики в качестве постмодернистской философии истории [2] основывается чаще всего на признании исчерпанности эвристических возможностей классической парадигмы науки, неспособностью ее объяснить реалии современного мира во всей его сложности и противоречивости.

Однако следует подчеркнуть, что абсолютизация синергетики, провозглашение ее в качестве метанаучной теории противоречит самой сути постмодернистской науки, отрицающей возможность любой Метанауки, Метатеории, Метаистины и утверждающей идеи равноценности различных языков описания. Постмодернистская наука мультипарадигмальна, признает равноценность и равнозначность всех методологических парадигм. Эта мысль звучит у представителей самой синергетики, например, у В.Э. Войцеховича, формулирующего гносеологические принципы синергетики, одним из которых является следующий: «Фрактальное бытие познается через диалог, через полилог. Коммуникация обязательна для познания эволюционирующих систем. Сеть из познающих познает также сеть – фрактал. У каждого субъекта возникают собственные модели реальности как изменяющихся систем, но только сеть моделей несет более полное знание. Причем оно не является суммой моделей. Модели часто логически несовместимы друг с другом. Просто в разных ситуациях активизируются разные модели или их совокупности. Могут возникать самые странные сочетания, до которых не додумается ни один из субъектов в отдельности. Поэтому здесь участвуют также принцип соответствия, принцип дополнительности и другие. Существенную роль в таком сетевом знании играет личностное знание каждого из субъектов (на что обратил внимание М. Полани). Невербализованное, полуосознанное, интуитивное знание, чувственный опыт – все это входит в модель, а значит и в сеть. Здесь проявляется если не единство субъекта и объекта познания, то хотя бы их сближение – старая мечта европейских философов» [14, с. 153-154]. В силу названного принципа синергетике свойствен плюрализм, открытость, диалогичность, и как следствие подобной установки – определенная степень толерантности к иным парадигмам, подходам, теориям.

Кроме того, как следует из самой теории сложных самоорганизующихся систем, выводы об «исчерпанности» методологического потенциала классической и неклассической науки и преувеличены, и преждевременны. Следует говорить об их ограниченности рамками систем определенного типа и

определенных состояний сложных систем. Поэтому более корректным представляется вывод о том, что синергетическая парадигма *сузила* границы классического детерминизма [14, с. 18], но не отменила их совсем. А следовательно, задача методологов – не нигилистическое отрицание прежних методологических парадигм, что означало бы необходимость отказа от всего того пласта знаний, который был добыт за века научной деятельности многими поколениями ученых, а диалогическое взаимодействие и сближение различных методологических подходов, способствующих дополнению и расширению научных представлений о мире.

Однако, в современном научном сообществе, наряду с тенденцией абсолютизации синергетики и ее эвристических возможностей, наблюдается и противоположная тенденция – определенный скептицизм представителей гуманитарной науки по отношению к ее использованию в познании социокультурных процессов. Подобный скептицизм обусловлен рядом факторов. Во-первых, использование синергетической методологии оценивается как несерьезное для настоящего ученого следование моде – моде на синергетику, о которой говорят сегодня все, хоть сколько-нибудь причастные науке. Само же следование моде сопровождается механическим переносом понятийного аппарата синергетики и закономерностей самоорганизации физических систем без соответствующей адаптации в различные области гуманитарного знания, в результате чего семантические несоответствия становятся источником неправильных выводов. Во-вторых, использование синергетической методологии оценивается как своего рода социальный физикализм, покушение на святая святых гуманитарного знания – сферу человеческого духа и духовности, которые могут быть поняты лишь «интуицией», «вчувствованием», «пониманием», а описание их в терминах естественнонаучной методологии представляется грубейшим упрощением.

Действительно, обращение к синергетике в различных областях гуманитарного знания сродни моде. Однако сама мода на синергетику, как и мода вообще, возникает далеко не случайно. По мнению Ю.М. Лотмана, мода

является метрономом социокультурного развития, признаком динамичной структуры общества. Научный интерес к синергетике вызван потребностью осмысления кризисных процессов как в российском обществе, так и в мире в целом, потребностью поиска возможных путей выхода из них. Не случайно многие авторы, анализирующие проблемы современной России, все чаще используют в своих публикациях специфические понятия синергетической теории: «бифуркация», «флуктуация», «аттрактор», «энтропия» и т.д. Как свидетельствуют сами представители синергетики, такая мода есть результат культурного феномена «узнавания», который сопровождает все крупнейшие научные теории, в том числе и саму ньютоновскую механику, породившую механицизм социальной науки XVIII-XIX веков, популярность идей социальной инженерии [14, с. 332].

Сегодня вряд ли кто-то из ученых назовет модой системный подход к исследованию культуры, который «есть конкретное проявление диалектического метода в тех гносеологических ситуациях, когда предметом познания оказываются системные объекты» [5, с. 13]. А значит, также нельзя считать только модой использование в гуманитарных науках синергетического подхода, поскольку он является современным этапом развития системного подхода. Различие между двумя этими подходами состоит в том, что системный подход является методом изучения устойчивых систем, находящихся в режиме функционирования, а синергетика – методом изучения неустойчивых систем, находящихся в режиме развития. Синергетика сосредотачивает свое внимание на ситуациях качественных трансформаций систем, их перехода в новое качественное состояние.

Что же касается возможностей использования синергетической методологии для исследования сферы человеческого духа, то, бесспорно, следует признать, что такие сверхсложные и тонкие материи менее всего поддаются математическому моделированию и формализации. И в этом смысле эвристические возможности синергетики также ограничены, как и возможности других методов исследования человека, общества, культуры. Нет сомнения, что

описание процесса развития культуры или личности – задача, куда более сложная, чем, например, описание поведения плазмы в «магнитной ловушке» или отдельно взятой молекулы в условиях открытого космоса. А значит, положения синергетической теории, прекрасно «работающие» при описании природных объектов должны быть адаптированы в процессе изучения социокультурных объектов. Любой социальный, культурный объект должен изучаться при помощи комплекса методов, находящихся в тесной взаимосвязи и взаимодополняющих друг друга. Синергетика же как один из элементов данного познавательного комплекса может занимать в нем различное место в зависимости от целей и задач исследования, дополняя представления об объекте новыми представлениями и параметрами.

Таким образом, можно утверждать, что мода на синергетику и активное использование ее в гуманитарных исследованиях – отражение общих тенденций развития науки на современном этапе: интеграции естественнонаучного и гуманитарного знания, утверждение плюрализма языков описаний предмета исследования, мультипарадигмальности современного научного знания и др. (см. 1 тему).

10.4 Эвристические возможности и основные направления современной социокультурной синергетики

Культура чрезвычайно сложна и гетерогенна по своему составу, поэтому различные науки изучают различные стороны, аспекты, свойства и формы существования культуры, различные институты культуры и культурные процессы. Начиная с XIX века культура рассматривалась не в своей целостности и единстве, а в тех или иных своих конкретных проявлениях, поэтому наука о культуре распадалась на ряд частных и достаточно автономных дисциплин: на философию культуры, эстетику, гносеологию, аксиологию, антропологию и т.п.. В большинстве концепций преобладал аналитический способ постижения культуры, способ фактографического

описания хода культурного развития. При всей значимости данных подходов, раскрывающих своеобразие культурных явлений и некоторые закономерности их развития, сама сущность культуры и ее инвариантные черты оказываются за пределами внимания исследователей, растворяясь в многообразии ее конкретных форм. Подобная методологическая ситуация является причиной того, что в современной культурологической мысли нет единого понимания феномена культуры, как нет и общего взгляда на методы ее изучения, на особенности функционирования и развития. Спектр различных взглядов на сущность культуры так велик, что практически любой предмет, явление или процесс окружающей нас реальности может быть отнесен к культуре.

Однако в XX веке наука встала перед необходимостью изучать системные объекты в целостном существовании и развитии, так как знание о таком предмете не есть сумма знаний о составляющих его частях. Как справедливо указывает М.С. Каган, какое бы количество элементов, сторон, качеств культуры мы ни перечислили, как бы подробно ни характеризовали каждый из них, мы не получим представления о том, что есть культура. Ибо в системе, взятой в ее функционировании и развитии, важны не только составляющие ее элементы, но и те связи, зависимости, отношения, которые существуют между ними [4, с. 23]. На современном этапе культурологическое знание достигло такого уровня, что традиционные методы изучения культуры представляются недостаточно эффективными. Необходима разработка новых методов, отвечающих системно-целостной природе культуры и рассматривающих ее не как сумму разнообразных элементов, а как целостное сложноорганизованное единство.

Особый интерес для культурологии представляет проблема общих закономерностей развития культур, причин их расцвета и упадка, перехода из одного качественного состояния в другое. Этой проблеме посвящены работы О. Шпенглера, Н.Я. Данилевского, П.А. Сорокина, А.Дж. Тойнби и др. Однако взгляды этих мыслителей на данную проблему так же различны, как и различно само понимание сущности культуры. Именно эти общие закономерности

развития изучает синергетика, которая рассматривает развитие систем как повышение уровня самоорганизации. Поскольку культурология изучает самые сложные классы систем – социокультурные, само бытие которых есть развитие, представляется вполне правомерным и необходимым изучение их под этим новым углом зрения.

Однако методология изучения социальных и культурных объектов не должна механически переноситься из сферы естествознания в гуманитарные науки. Как подчеркивает М.С. Каган, изоморфизм законов развития природных и социальных систем не может быть полным, так как решающую роль в развитии последних играет сознательная, свободная активность личности. Задача же культурологии состоит в выявлении своеобразия закономерностей, управляющих развитием антропо- социо- культурных систем в отличие от природных [4, с. 34]. В выявлении этого своеобразия и состоит актуальнейшая задача дальнейших исследований процессов развития культуры как процесса самоорганизации сложной системы.

Использование синергетического подхода к исследованию динамики культуры требует решения *двух типов задач*. Во-первых, это задачи, связанные со спецификой самой культуры как сложной самоорганизующейся системы. Первичным элементом такой *сверхсложной* системы (М.С. Каган) является личность со специфическим, только ей присущим набором способностей, интересов и потребностей, целей и ценностей. А потому культура как сложная самоорганизующаяся система характеризуется высочайшей степенью сложности, гетерогенности, интеллектуальности (информативности). Это система, функционирование и развитие которой неотделимо от общества: она «встроена» в другую систему, вне которой она не существует. Данные особенности культуры определяют то обстоятельство, что ее развитие отличается от развития других систем высокой степенью неопределенности, нелинейности, непредсказуемости. А следовательно, рассмотрение динамики культуры с позиций синергетического подхода требует от исследователя решения следующих проблем: характер взаимодействия между культурой и

обществом; факторы дестабилизации культуры как сложной самоорганизующейся системы; роль человека в процессах социокультурной самоорганизации; соотношение в процессах самоорганизации традиций и новаций, свободы и подчинения, спонтанного и «сознательного» порядка, управления и самоуправления и т.д.; механизм обеспечения преемственности, самоидентичности культуры на разных этапах ее развития; соотношение темпов развития общества и культуры; механизм выхода культуры из хаотического состояния; оптимальные способы управления социокультурными системами и др.

Другой круг задач, возникающих в ходе применения синергетического подхода к исследованию культуры, связан со спецификой культурологии как особой области гуманитарного знания. Культурология характеризуется предельной неопределенностью, многозначностью своего понятийно-категориального аппарата. А следовательно, чрезвычайно актуальной для социокультурной синергетики является задача операционального «перевода» тех или иных культурологических понятий на язык синергетики, операциональная «расшифровка» таких базовых понятий синергетики, как «параметры порядка», «бифуркация», «флуктуации», «аттрактор» и т.д.

Необходимо также подчеркнуть, что синергетика разрабатывает инвариантные модели развития, описывающие эволюцию различных систем; в культурологии же больший акцент делается на выявлении уникальности, неповторимости того или иного культурного феномена, процесса, эпохи, которые могут быть познаны только через анализ ценностно-смыслового содержания культуры, ее архетипов, символов, кодов и т.п. Именно поэтому синергетический подход к анализу культуры должен дополняться традиционными подходами и методами. Только при таком совмещении и дополнении исследование, выполненное в рамках социокультурной синергетики, может претендовать на приращение знаний в своей области, избегая как безжизненной формализации, так и повторения общеизвестных истин.

Вопросы семинара

1. Системный подход как предпосылка становления социокультурной синергетики.
2. Становление и развитие синергетической теории в западной и отечественной науке.
3. Основные положения синергетической теории.
4. Проблема использования методологического инструментария синергетики к изучению культурных процессов и явлений.
5. Эвристические возможности и основные направления современной социокультурной синергетики.

Вопросы для самопроверки

1. Почему синергетический подход к исследованию социокультурных процессов рассматривают как логический этап развития системного подхода?
2. Чем синергетический подход отличается от системного подхода?
3. Как проходило становление и развитие синергетической теории в западной и отечественной науке?
4. Как трактуются в разных теориях базовые понятия синергетики «хаос», «энтропия», «бифуркация» и др.
5. Назовите основные положения синергетической теории.
6. В чем вы видите созвучие основных положений синергетики с идеями классиков культурологической мысли?
7. Назовите основные направления современной социокультурной синергетики.
8. Какими именами представлено каждое из них?
9. Как можно объяснить моду на синергетику, которая является одной из ведущих особенностей развития гуманитарной науки в России?

10. С какими современными социокультурными процессами связана популярность синергетики в гуманитарных исследованиях?
11. Кто в российской культурологии может быть назван первопроходцем использования системно-синергетического подхода к исследованию культуры?
12. Как решается в культурологии проблема использования методологического инструментария синергетики к изучению культурных процессов и явлений?
13. Каковы эвристические возможности использования нового метода к исследованию культурных процессов и явлений?
14. Какие ограничения вы могли бы сформулировать на использование методов естественных наук в гуманитарной науке?

Индивидуальные задания по теме

Задание 1. Прочитать одну из статей, предложенных в списке литературы, и подготовить сообщение по содержанию данной статьи (по выбору).

Литература, рекомендуемая для изучения темы

1. Алтухов, В. Смена парадигм и формирование новой методологии (попытка обзора дискуссии) / В. Алтухов // *Общественные науки и современность*. – 1993. – №1. – С. 88-100.
2. Бранский, В.П. Социальная синергетика как постмодернистская философия истории / В.П. Бранский // *Общественные науки и современность*. – 1999. – №6. – С.117-127.
3. Гомаюнов, С. От истории синергетики к синергетике истории / С. Гомаюнов // *Общественные науки и современность*. – 1994. – №2. – С. 99-106.
4. Каган, М.С. Философия культуры / М.С. Каган.– СПб.: Петрополис, 1996. – 416 с.

5. Каган, М.С. Человеческая деятельность. Опыт системного анализа / М.С. Каган. – М.: Политиздат, 1974. – 328 с.
6. Князева, Е.Н. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов. – СПб.: Алатай, 2002. – 414 с.
7. Князева, Е.Н. Саморефлективная синергетика / Е.Н. Князева // Вопросы философии. – 2001. – №10. – С. 99-113.
8. Князева, Е.Н. Синергетика как новое мировидение: диалог с И.Пригожиным / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов // Вопросы философии . – 1992. – №2. – С. 3-20.
9. Моисеев Н. Естественнаучное знание и гуманитарное мышление / Н. Моисеев // Общественные науки и современность. – 1993. – №2. – С. 63-75.
10. Мухамеджанова, Н.М. Духовный кризис личности как отражение кризиса культуры / Н.М. Мухамеджанова. – Оренбург: ООИПКРО, 2001. – 146 с.
11. Мухамеджанова, Н.М. Особенности самоорганизации этнических культур России в условиях модернизационных преобразований / Н.М. Мухамеджанова. – Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2006. – 229 с.
12. Сапронов, М.В. Концепции самоорганизации в общественности: мода или насущная необходимость? (Размышления о будущем исторической науки) / М.В. Сапронов // Общественные науки и современность. – 2001. – №1. – С.148-161.
13. Сапронов, М.В. Синергетический подход в исторических исследованиях: новые возможности и трудности применения / М.В. Сапронов // Общественные науки и современность. – 2002. – №4. – С. 158-172.
14. Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности / сост. и отв. ред. О.Н. Астафьева. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 583 с.
15. Хакен, Г. Информация и самоорганизация: Макроскопический подход к сложным системам / Г. Хакен. – М.: Мир, 1980. – 404 с.

11 Вопросы к экзамену по курсу

- во 2-м семестре

1. Формирование российской культурологии в начале 1990-х годов.
2. Культурологическое образование в России на рубеже XX-XXI веков: проблемы и перспективы.
3. Цивилизационный подход как методологическая основа исследований культуры в России.
4. Цивилизация как предмет современной культурологической теории.
5. Историография цивилизационных исследований в России.
6. Основные проблемы и направления цивилизационных исследований в России 1990-2000-х годов.
7. Неоевразийство и его основные направления.
8. Цивилизационные аспекты модернизации.
9. Специфика российской цивилизации в осмыслении российских ученых.
10. Современные цивилизационные процессы в осмыслении российских ученых.
11. Культурная экология как направление прикладных исследований и учебная дисциплина.
12. Аксиология культурного наследия как проблема культурной экологии.
13. Культурная политика в области сохранения природного и культурного наследия.
14. Деятельность учреждений культуры по охране культурного наследия.
15. Современное состояние и проблемы сохранения природного и культурного наследия в России.
16. Теоретические основы и методологические проблемы социокультурной регионалистики.
17. Основные направления социокультурной регионалистики в современной гуманитарной науке.

18. Социология культуры: изучение молодежных культур и субкультур в современной России.

- в 3-м семестре

1. Формирование российской культурологии в начале 1990-х гг.
2. Культурологическое образование в России на рубеже XX-XXI веков: проблемы и перспективы.
3. Профили изучения культуры в современных интеллектуальных журналах.
4. Современная постимперская история России в журнале *Ab imperio*.
5. Лингвокультурология как направление исследований культуры в России: история возникновения, цели и задачи.
6. Предмет, метод и базовые понятия лингвокультурологии как направления исследований культуры.
7. Изучение культуры повседневности в России 1990-2000-х гг.
8. Теоретико-методологическая основа современных исследований культуры повседневности.
9. Основные направления исследований культуры повседневности.
10. Современные техники анализа текстов повседневной культуры.
11. Исследования визуальной антропологии в российской культурологии 1990-2000-х годов.
12. Этнографический фильм и его отличия от документального кино.
13. Социокультурная синергетика как направление исследований культуры в России: эвристические возможности и основные направления.
14. Проблема использования методологического инструментария синергетики к изучению культурных процессов и явлений.
15. Работы по интеллектуальной истории России на страницах журнала НЛЮ.
16. Исследование актуальных проблем культуры в журналах «Неприкосновенный запас» и «Теория моды».